

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2019 ТОМ 11 № 3

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
С.А. Воронин, д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра Исторической Экспертизы и Государственного Прогнозирования.
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
И.Д. Стефанидис, профессор Университета имени Аристотеля (Греция).
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Ответственный секретарь серии
Е.А. Базанова, кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН.
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Члены редколлегии

Абу аль-Хассан Мусса Бакри, доктор исторических наук, профессор Каирского университета (Египет)

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона (Канада), действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Нарангоа Ли, профессор Австралийского Национального университета (Австралия)

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

К Варику, профессор Университета имени Джавахарлала Неру (Индия)

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история (Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история) – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток-Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>.

Электронный адрес: histj@rudn.university.

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала «Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 02.12.2019. Выход в свет 09.12.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7,15. Тираж 500 экз. Заказ № 1108. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2019 VOLUME 11 NUMBER 3
DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3
<http://journals.rudn.ru/world-history>
Scientific journal
Founded in 2009

Editor in Chief

S. Voronin, Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Head of the Chair of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University, Head of Historical Examination and State Prognostication Centre.
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

I.D. Stefanidis, Professor of the Aristotle University (Greece).
E-mail: dep.worldhistory@gmail.com

Executive Secretary

E. Bazanova, Candidate of Historical Sciences, Assistant of the Department of World History of RUDN University.
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Members of Editorial Board

Abu al Hassan Musa Bakri, Ph.D. in History, Professor of the Cairo University (Cairo, Egypt)

Gvozdeva I., Ph.D. in History, Associate Professor of the Chair of the Ancient History of History Faculty of Moscow State University

Dutkiewicz P., Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration Carleton University (Canada), member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences

Larin E., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Center for Latin American Studies of the Institute of General History of Russian Academy of Sciences

Narangoa Lee, Professor in Australian National University (Australia)

Ponomarenko L., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Theory and History of International Relations Chair, Vice-Dean at International Affairs of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University

Variku K, Professor in the University Jawaharlal Nehru (India)

Smolenskiy N., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology of the Moscow State Regional University

Hazanov A., Doctor of Science (History), Ph.D. in History, Professor of the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Science Citation Index (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

The list of branches of science and groups of specialties of scientists in accordance with the nomenclature of the Higher Attestation Commission of Russia: 07.00.00 – Historical Science and Archeology. Specialties: 07.00.03 World History (Relevant Period), 07.00.07 Ethnography, Ethnology, Anthropology, 07.00.09 Historiography, Source Study, Methods of Historical Research, 07.00.15 History of international Relations and Foreign Policy.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>.

E-mail: histj@rudn.university.

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia

6 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Воронин С.А., Якеменко Б.Г.** Феномен «мусульманина» в пространстве нацистского концентрационного лагеря (ENG) 195

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОКА

- Люлина А.Г.** К вопросу о наименованиях регентов в Тибете (XVII–XVIII вв.) 202
- Агекян А.А., Шапошников С.В.** Влияние дзэн-буддистского мировоззрения на бизнес-культуру Японии (ENG) 213
- Лу Чуньюе.** Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение 222

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Жидкова О.В., Попова Е.А.** Священный союз в оценках современной российской историографии 235
- Болливье М. де.** «Крымская война в коллективной памяти»: современная западноевропейская историография Крымской кампании 1853–1856 гг. 247

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Барина Е.Б.** Комплекс лепной керамики поселения Мурзалы в Восточном Приаралье 256

ИЗ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

- Бушля А.А.** Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив против врача» Франческо Петрарки) 267

CONTENTS

DISCUSSIONS

- Voronin S.A., Yakemenko B.G.** The phenomenon of “man between life and death” in the space of the Nazi concentration camp 195

ORIENTAL STUDIES

- Lyulina A.G.** Some aspects of regent titles in Tibet (XVII–XVIII) 202
- Agekyan A.A., Shaposhnikov S.V.** Display of Zen principles on distinctive features of Japanese business culture 213
- Lu Chunyue.** The evolutionary process of normalization of Soviet-Chinese relations and its historical significance 222

HISTORIOGRAPHICAL STUDIES

- Zhidkova O.V., Popova E.A.** Holy Union in modern Russian historiography 235
- Bollivier M. de.** “The Crimean War in the collective memory”: modern Western European historiography of the Crimean Campaign of 1853–1856 247

ARCHAEOLOGICAL STUDY

- Barinova E.B.** Hand-made ceramics on the territory of Murzaly in the Eastern Aral Sea region 256

HISTORY OF EUROPE

- Bushlya A.A.** Image of doctor of Italy in the XIV century through the eyes of a contemporary (based on the example of “Invectives against a doctor” by Francesco Petrarca) 267

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-195-201

Research article

The phenomenon of «man between life and death» in the space of the Nazi concentration camp

S.A. Voronin, B.G. Yakemenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

The article explores the phenomenology of a special category of prisoners of Nazi concentration camps, who were in a state close to death, but for a long time did not die, being in a special, borderline state of mind and body. In camp jargon, they were called “Muslims”, which was not related to religious confession – the etymology of the term is controversial. The state in which the “Muslims” were, is an unknown phenomenon, since it is characterized by almost complete fading of mental and physical functions, the Erasure of age and sex characteristics. This category of prisoners can be considered the apotheosis of the Nazi concentration camp system.

Keywords: concentration camp, “Muslim”, body, absolute evil, pain, suffering, phenomenology

Nazi concentration camps have become one of the most tragic episodes in the history of the past century. Traditionally, they are perceived as places where people were punished and killed, like places of detention similar to ordinary prisons, but more cruel and inhuman. In fact, the concentration camps were an unprecedented attempt to create a fundamentally new territory of human existence within the boundaries of death, an area where all existing norms and rules were radically abolished.

Concentration camps were a system that for the first time in the history of humankind produced death, and people served as raw materials for its production. As a result, the concentration camps provided the absolute totality of the Nazi state, it was in the camps that this totality was sublimated, which permeated everything – from ascent to rebound, the entire structure of the prisoner's life reflected the symbolic system of the totalitarian state and indicated to them their place in this system, on its lowest tiers. In this case, the totality was the more absolute, the more people fell into the camps and the harder was the treatment with them.

© Voronin S.A., Yakemenko B.G., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

In the Concentration World violence replaced history next to mythology (violence is one of the main means of turning history into mythology), becoming the main driving force of the Nazi state. The violence used initially as a mean in the Concentration World became the goal, the essence, and the circulatory system of the Nazi state. The unprecedented violence was largely as it was a perceived consequence of the state's extreme pressure on society. Because of this pressure, a fundamentally new category of people should have crystallized (as under extreme pressure, graphite turns into diamond), which will ensure the irreversibility of time. It is not by chance that the construction of a "new person", the search for new opportunities for a person, which resulted in savage experiments on people in the Concentration World, permeate the whole ideology of the Third Reich.

Over 10 years of their existence, millions of people passed through the Nazi concentration camps, most of whom died. Inhuman torments, violence, hard labor, the daily death of prisoners led to the fact that the camps prisoners came to a biological and psychophysical state, an analogue of which is difficult to find. The apotheosis of the prisoner's stay in the Nazi concentration camp was the condition described in the camp jargon by the term "Muslim" (Muselmänn). "I saw strange creatures that at first even puzzled me a little, – as one of the prisoners testified, – at a distance, they all looked like ancient elders: a protruding nose, a head pulled in the shoulders, a dirty striped robe hanging on the sharp shoulders, like on a hanger; even on the hottest summer days they looked like frozen winter crows.

In each of their unsure, lunatic step, it was as if they asked: was it really worth this incredible effort? These walking question marks – even if you look at the figure, even at the volume (you can say they didn't have thickness at all), I can't describe them differently – were called 'Muslims' in the camp, as I soon externally learned [1], the Muslim was a man who had reached an extreme degree of exhaustion, that is, weighed 35–40 kg, was emaciated into a skeleton and moved with difficulty. He had erased sex and age limits and internally he was in a state of almost complete fading of the psyche. Normal interest in the environment disappeared in him more and more, so that in the end interest in his own destiny went out. In this condition, a Muslim imperceptibly died – he simply fell asleep and did not wake up" [2. Pp. 64–65].

There is no unity of opinion where the term itself came from. The purpose of this article does not include a detailed examination of its etymology, therefore it should be indicated only that according to one of the versions the German word *muselmänn* in relation to this category of prisoners is a distortion of the word *muschelmann/musselman*, that is, "crooked man" (women were called *Muselweib* (Weib – it is a derogatory "woman")). Another version connects the origin of the term with the image of real praying Muslims. "They (Muslims) became indifferent to everything that happened around them. They put themselves outside of any relationship with the outside world. If they could still move, they did it slowly, without bending their knees. They were shaking from the cold.... Looking at them from the side, it seemed as if they were praying Arabs" [3. P. 94]. The point of view about the alleged resemblance of the worshipping followers of Islam and the

camp Muslims is supported W. Sofsky [4. P. 329] G. Agamben [5. P. 45], B. Bettelheim [6. P. 77] and O. Kogon [7. P. 284]. They associate the emergence of the term with the fatalism allegedly inherent in the followers of Islam, which was characteristic of camp Muslims. It is necessary to make a reservation that we will use this term in the work without quotes, since it will be used only in the meaning indicated above.

It is curious that a Muslim, as a sublimation of an inhabitant of the “concentration world”, almost did not become the subject of a special study, although to understand the Muslim phenomenon in the camp would obviously mean to approach to the understanding of the “concentration world” as a whole. Today, there is a sole monograph that explores the Muslim phenomenon in a concentration camp, written by Z. Ryn and S. Klodzinski [3. P. 94] (“At the border between life and death: a study of the phenomenon of the Muselmann in the concentration camp”). Part of D. Agamben’s work is also devoted to this phenomenon [5. P. 45]. Other works are mostly descriptive, with memoir character and some attempts of analysis.

The Muslim in the camp environment was considered extremely dangerous, people tried to avoid him, because their condition and they themselves were generally incomprehensible to either the rest of the prisoners or the guards, however, both of them felt that is a Muslim, has a attracting effect, attractive and at the same time destructive force. “Nobody sympathized with Muslims, and no one felt sympathy for them. Other prisoners who constantly feared for their lives did not even consider them worthy of their eyes... Everyone would like to destroy them, each in his own way” [3. P. 127]. “Bandi Zitrom immediately warned me: stay away from them. ‘You look at them and you want to hang yourself,’ he said, and there was a large share of truth in his words” [1], – recalled I. Kertes. B. Bettelheim wrote, “Any contact with a ‘marked’ (Muslim) could only lead to self-destruction” and explained the fear of Muslims that other prisoners were afraid to become [6. Pp. 76–77].

However, it is impossible to explain the fear of Muslims only by a sense of self-preservation – often silent, bent, shuffling Muslim prisoners were afraid more than screaming and cursing SS men with weapons and capos with clubs, more than the dead. “Muslim is even worse than stacks of the dead” [8. P. 211], – reflected Y. Tsurkan. Another prisoner recalled: “We were all afraid of this state of absolute emptiness, and we all hoped that death, if it happens, will take us away before the same fate befalls us” [9. P. 50].

The fear of Muslims, obviously, was associated with an awareness (sensations) of a fundamentally different nature, a different state, a Muslim. What did the genesis of this state look like?

All researchers and direct observers of Muslims noted that the state, in which the Muslim was, formed the inner world, unlike other prisoners, whose condition was largely dependent on the external environment.

In this case, it is appropriate to compare with the extreme degree of physical dystrophy or anorexic state, when the human body consumes itself, not needing external sources of energy, which leads to death. A Muslim is a person who has come to the state of mental malnutrition, when the totality of suffering, pain, hunger

pangs, moral and psychological exhaustion is his essence, completely replaces the personality, when “non-physical malnutrition” is a person, or rather what is considered to be. D. Agamben noted that “a Muslim is a moving border, having crossed that person ceases to be a man” [10. P. 49].

B. Bettelheim believed that a Muslim is the result of the treatment of a person by the camp environment. Therefore, the researcher attached great importance to the suppression of his own will in the person and believed that the prisoner took the first step to the state of the Muslim when he “stopped acting on his own will”. The cessation of actions “from oneself”, that is, spontaneity coincided with the appearance of a characteristic shuffling gait by which a Muslim was recognized from afar. The last thing that disappeared in a person before his final transformation into a Muslim was the ability to look around. After this, physical death occurred [6. P. 76].

The remark about the refusal of the ability to look around confirms the thesis stated above about the prevalence of the inner over the external in nature Muslim. “Closing” for external influences of sight meant that the sublimated from the above-described traits of evil finally passed from the external to the inner world of the Muslim, having reached its ultimate concentration. There was no such pain, torment, ordeals, forms of violence, which could add at least something to this embodied experience of evil. As soon as life in its own shell became worse for a Muslim than life in the camp, he passed the point of no return.

Thus, a Muslim can be described as a person in whom the concentration world has come true, he is the apotheosis and the highest achievement of this world, the result of the ultimate action of absolute evil in the world, the embodiment of this evil. Moreover, if we do not understand that this embodied, sublimated evil due to the included mechanisms of “non-physical asteno-anorexia” was directed inside the Muslim himself, we risk putting a number of Nazi leaders, creators of the concentration world, and Muslims. In the first case, this evil consciously, with the help of a strong, as L.N.Gumilyov would say, “long” will, was directed outwards, it was largely formed and maintained by the force of this will. In the case of the Muslim, this evil was the result of a complete, absolute lack of will, the fading of any impulses of the personal beginning, it absorbed all that was human in the Muslim, without releasing anything outside, like a black hole. At the same time, the worn Muslim flesh turned out to be a sufficient barrier to the release of this evil. Therefore, P. Levi was right, when he wrote that “if I could conclude all the evils of our time in one image,” P. Levi wrote, “I would choose the image that I know so well: a devastated person with a fallen head and crooked shoulders, on whose face not a single thought can be seen” [11. P. 56].

The result of this process was that the Muslim was in the intermediate, third, previously unknown state of the biological being. It was a special form of the existence of human matter, which is possible only within the framework of camp borders. In the Muslim, the ultimate image of a man was revealed, in which any criteria and boundaries are abolished, that is, he stands at the turn of the human and inhuman. He cannot be described even as a living person, for even the signs of biological life, expressed in external reactions, are reduced to almost indistinguishable values.

Muslim does not feel pain, does not suffer when violence is applied to him, does not feel hunger and thirst, all feelings (that is, signs of life) are muffled in him.

Muslim is “too empty to really suffer” [12. P. 149]. “You need to raise your voice so that such a person can hear you, come close, so that he can see you” [8. P. 211]. However, he also cannot be described as a corpse, because, according to the recollections of eyewitnesses, a Muslim is worse than a corpse, it was impossible to look at him, unlike a dead man. “The third dimension of a Muslim is an absolute cipher of camp life, a ‘non-place’ in which all disciplinary barriers are destroyed and all embankments are flooded” [5. P. 48]. The uniqueness and incomprehensibility of a Muslim is that he manages to stay for hours/days/months on an elusive, unexplained, thinner time, the boundary between life and death, between a living body and a corpse, between human and non-human, on which any other person does not. He can hold on for a few seconds in order not to fall in one direction or the other. The incomprehensibility of such a phenomenon as a Muslim forced some researchers to try to penetrate into their essence in the logic of paradox. E. Fackenheim argued that the Muslim of the Concentration World “is the most remarkable, if not the only, contribution of the Third Reich to world civilization. It has become a true innovation of the New Order”. According to Fackenheim “the uniqueness of a Muslim makes us consider unique and those who managed to turn a person into a Muslim and raises the question “Could Jesus of Nazareth be turned into a Muslim?” [13. Pp. 215–273]. We should not try to answer the rhetorical question, but we should pay attention to the fact that Fackenheim accurately determined the coordinate in which the concentration world existed – from the SS to Muslim, from antiman to non-human. The apotheosis of violence and the apotheosis of lack of will, when a Muslim and an SS man cannot exist without each other, are a necessary condition for mutual existence. It is impossible not to emphasize that the inner world of the nominal SS man who created the concentration world and ensured its existence is as incomprehensible to the end as the Muslim world is an unsolvable task with many unknowns.

The coincidence of the human and the non-human in the Muslim, their mixing to the utterly indistinguishable, made the Muslim an aporia of the concentration world. The emergence of the Muslim became a sign that in the concentration world the distinctions between being and non-being, permissible and impossible, finally disappeared, that is, a different kind of existence that cannot be defined in the usual categories. “The extermination camps,” wrote D. Agamben, “represent an attempt to resolve the issue of the distinction between human and non-human, which ultimately destroyed the very possibility of such distinction” [10. P. 33].

In conclusion, one should pay attention to the fact that the Muslims, despite the disgust at them of both the other prisoners and the camp administration, with their almost complete inability to work, were not exterminated by the camp administration deliberately. Throughout the years of existence of the concentration world, they remained an integral part of the camp system. This suggests that their state, appearance, were a necessary condition for the existence of a concentration world, a condition that maintains balance and relative “harmony” of the parts, each of which was in its place. Otherwise, Muslims would be rejected or co-opted by the system.

REFERENCES

- [1] *Kertesz I.* Fatalessness. <http://detectivebooks.ru/book/1744658/>
- [2] Concentration camp Auschwitz-Birkenau. Comp. by Yan Zen. Warsaw, 1957.
- [3] *Ryn Zdzislaw, Klodzinski Stanslav.* “An der Grenze zwischen Leben und Tod. Ein Studie über die Erscheinung des ‘Muselmann’ in Konzentrationslager” // Auschwitz-Hefte. Vol. 1. Weinheim & Basel: Beltz, 1987.
- [4] *Sofsky W.* The Order of Terror: The Concentration Camp / Translated by William Templer. Princeton University Press, 1997.
- [5] *Agamben D.* The remnants of Auschwitz: the Witness and the Archive / Translated by Daniel Heller-Roazen. Zone Books, New York, 1999.
- [6] *Bettelheim B.* The informed heart // Chelovek. 1992. No. 2. (In Russian)
- [7] *Kogon E.* The Theory and Practice of Hell: The German Concentration Camps and the Systems Behind Them / Translated by Heinz Norden. Octagon Books, New York, 1979.
- [8] *Tsurkan Y.* Last circle of hell. Moscow, 2017. (In Russian)
- [9] *Doerr K.* Words of Fear, Fear of Words: Language Memories of Holocaust Survivors // Explorations in Anthropology. 2009, February. Vol. 9. No. 1.
- [10] *Agamben V.* The open: man and animal. Moscow, 2012. (In Russian)
- [11] *Levi P.* The Drowned and the Saved. Moscow, 2016.
- [12] *Patterson D.* Open wounds: The Crisis of Jewish Thoughts in the Aftermath of the Holocaust. Seattle: University of Washington Press, 2006.
- [13] *Fackenheim E.* To Mend the World: Foundations of Post-Holocaust Jewish Thought. Schocken Books, New York, 1982.

Научная статья

Феномен «мусульманина» в пространстве нацистского концентрационного лагеря

С.А. Воронин, Б.Г. Якеменко

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье исследуется феноменология особой категории заключенных нацистских концентрационных лагерей, которые находились в состоянии, близком к смерти, однако в течение долгого времени не погибали, находясь в особом, пограничном состоянии психики и тела. На лагерном жаргоне они именовались «мусульмане», что не было связано с религиозным исповеданием – этимология термина спорна. Состояние, в котором находились «мусульмане», является непознанным феноменом, так как характеризуется практически полным замиранием психических и физических функций, стиранием возрастных и половых признаков. Эту категорию узников можно считать апофеозом системы нацистских концентрационных лагерей.

Ключевые слова: концентрационный лагерь, «мусульманин», тело, абсолютное зло, боль, страдания, феноменология

Информация об авторах / Information about the authors

Воронин С.А., д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования. E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Якеменко Б.Г., к.и.н., доцент кафедры истории России РУДН, заместитель директора Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования. E-mail: yakemenko-bg@rudn.ru

Voronin S.A., Doctor of History, Head of the Department of General History of RUDN University, Director of the Center for Historical Expertise and State Forecasting. E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Yakemenko B.G., PhD (in History), Associate Professor of the Department of Russian history, Peoples ' Friendship University of Russia, Deputy Director of the Center for Historical Expertise and State Forecasting. E-mail: yakemenko-bg@rudn.ru

Для цитирования / For citation

Воронин С.А., Якеменко Б.Г. Феномен «мусульманина» в пространстве нацистского концентрационного лагеря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 195–201.

Voronin S., Yakemenko B. The phenomenon of “man between life and death” in the space of the Nazi concentration camp // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 195–201.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

22.06.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-202-212

Научная статья

К вопросу о наименованиях регентов в Тибете (XVII–XVIII вв.)

А.Г. Люлина

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В исторических источниках встречается множество тибетских и монгольских терминов, которые имели отношение к должности регента в тибетском правительстве XVII–XVIII вв.: *дэсрид*, *дэба*, *гьялцаб*, *гьялпо*, *сикьёнг*, *миванг*, *номинхан* и др. Вероятно, такое многообразие связано не только с постоянными изменениями роли и функций регента в различные периоды тибетской истории, но и со спецификой связи между политической и религией в буддийском государстве, а также с влиянием Цинской империи. Анализ перечисленных наименований в контексте особенностей тибетской системы правления позволит классифицировать их по значению, историческим периодам, выявить отличия от классического европейского понятия «регент», а также в целом глубже исследовать историю регентства в Тибете, которая на данный момент остается малоизученной.

Ключевые слова: Тибет, регент, Далай-лама, политическая власть, тибетский язык, терминология

В тибетском правительстве с 1642 г. официально появилась должность дэсрида (тиб. *sde srid*), который являлся личным советником Далай-ламы V, а также исполнял административные и дисциплинарные обязанности. В отдельных случаях дэсрид мог выполнять обязанности главы правительства. В западной историографии вместо этого термина, как правило, используют понятие «регент» (Л. Петех, В. Рокхил, Х. Ричардсон). В XVIII в. необходимость в регентах выросла в связи с периодами деполитизации Далай-ламы VII и VIII. Во второй половине XVIII в. регентов стали избирать из числа лам некоторых линий реинкарнации (тиб. *sprul sku*, тулку). С одной стороны это отражало основной принцип буддийского правительства – единение религии и светской политической власти (тиб. *chos-srid, lugs gnyis*), но в то же время регент-тулку представлял отдельный институт, подотчетный не Далай-ламе, а собранию лам великих монастырей Гелуг (1). Сейчас обязанности регента

© Люлина А.Г., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и первого министра объединены в должности сикъёнг (*srid-skyong*) – главы Центральной тибетской администрации (Индия).

Понятие «регент» (*Regent*) имеет латинское происхождение (лат. *Regens, regere*) и обозначает лицо (или совет), которое осуществляет полномочия главы государства на время его болезни, несовершеннолетия или отсутствия [15]. Этот термин был использован западными тибетологами условно для обозначения совокупности различных наименований (титолов) лица, отвечающего за управление Тибетом в отдельные периоды, и не отражает в полной мере специфику его положения в политической структуре Тибета. В данной работе термин «регент» также используется в обобщающем контексте с целью дальнейшей классификации тибетских наименований.

В работе использованы следующие тибетские источники: Декрет Далай-ламы V о назначении Сангье Гьяцо регентом в переводе с тибетского языка на английский Х. Ричардсона [17], биография регента Нгаванг Цультама на основе переводов В. Дивей [10], переводы фрагментов тибетских источников в статье Л. Петеха [13] и работах П. Швигера [19] и В.Д. Шакабпы [20], история и хронология Тибета «Пагсам-Джонсан» в переводе Р.Е. Пубаева [4]. При лексическом анализе тибетских терминов автор обращался за консультацией к специалистам-тибетологам.

Периодизация института регентства и представители

Политическое устройство Тибета в период XVII–XVIII вв. характеризовалось рядом особенностей. При поддержке главы этнополитического объединения хошутов Гуши-хана (1582–1654) главой тибетского государства в 1642 г. стал Далай-лама V (*Ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682). Правительство Далай-ламы Ганден Пходранг (*dGa'-ldan pho-brang*) имело дуальную структуру и основывалось на принципах союза религии и светского правления (*chos-srid, lugs gnyis*), при этом религия и буддийская этика играли первостепенную роль в решении дипломатических в государственных вопросов. Большое значение во внутренней и внешней политике имела идея «чой-йон» (тиб. *mchod-yon*), определявшая характер патрональных отношений по принципу «духовный наставник – светский покровитель». Далай-лама V провел множество реформ в сфере государственного управления, в том числе учредил должность регента, которая фактически приравнивалась к должности личного советника. Впоследствии регент мог управлять государством во время поисков инкарнации Далай-ламы, несовершеннолетия или же отстранения от власти правителя.

Упоминания о регентах имеются в источниках XIII в. и относятся к времени правления школы тибетского буддизма Сакья. Тогда обязанности регента пересекались с функциями светского правителя. Так, в источнике по истории и хронологии Тибета «Пагсам Джонсан» говорится о первом светском правителе Тибета, Шакья-Зангпо (*Sha kya bzang po*), который в 1275 г. был назначен Хубилай-ханом (при Пагба-ламе) в качестве регента-правителя

(тиб. *dpon chen*, что буквально означает «великий правитель») областей Центрального Тибета Уй и Цзан (2) [4. С. 36, 83]. В последующем роль «правителей» была нивелирована, и они фактически не назначались.

Л. Петех в работе «Далай-ламы и регенты Тибета: хронологическое исследование» выделил три основных этапа развития института регентства [13]. Опираясь на эту периодизацию, рассмотрим фигуры наиболее выдающихся регентов и их роль в политической истории Тибета, уточним наименования регентов в соотношении с их статусом и обязанностями на разных этапах.

1. С 1642 г. по 1706 г. регент (*sde srid*) утверждался Далай-ламой V или хошутским правителем как глава гражданской и политической администрации [13. Р. 138]. Первый дэсрид Сонам Чойпел (занимал должность в 1642–1659 гг.) фактически был личным советником Далай-ламы V, он сыграл ключевую роль в формировании союза между хошутами-ойратами (в лице Гуши-хана) и школой Гелуг. Отношения между тремя политическими фигурами (Гуши-ханом, Далай-ламой и дэсридом) были близки к описанному ранее союзу между монгольским ханом, лидером школы Сакья и регентом – правителем Тибета.

Среди исследователей нет единого мнения по вопросу, кому принадлежала светская власть в Тибете в этот период – Гуши-хану, дэсриду Сонам Чойпелу, или же Далай-лама являлся полновластным правителем?

П. Швигер приводит документы, согласно которым управление Тибетом признается совместным, при этом отмечает (так же, как Л. Петех), что большую часть светских обязанностей Гуши-хан делегировал дэсриду при его назначении [19. Р. 57; 13. Р. 377–378]. В. Шакабпа (так же Х. Ричардсон) говорит, что роль Гуши хана в политическом администрировании Тибета была нивелирована в связи с тем, что он был больше занят армией и военными делами [20. Р. 359; 16. Р. 336]. В автобиографии Далай-ламы V отмечается, что тринадцать мириархов были переданы Гуши-ханом Великому Пятому в полновластное правление. В биографии регента Нгаван Цультама представлен перечень правителей Тибета, в котором Гуши-хан и Сонам Чойпел названы совместными завоевателями и правителями Тибета в период с 1642 г. по 1658 г., и далее регент Дрогма Тринле Гьяцо (*Grong smad 'phrin las rgya mtsho*) правил совместно с правителем Тензин Далай Дрогма (*Bstan 'dzin da la'i grong smad*) – монгольским преемником Гуши-хана (1660–1668) [10. Р. 14]. В. Дивей, ссылаясь на биографию Нгаванг Цультама, отмечает, что в отсутствие дэсрида Далай-лама V принимал личную ответственность за правительство (*srid skyong*), таких периодов было всего два – 1658–1661 и 1668 [10. Р. 16]. В остальное время Далай-лама делегировал *srid skyong* регентам, при этом оставаясь верховным правителем. П. Швигер определяет эту ситуацию как «полное подчинение светской сферы религии» [19. Р. 53–57], подчеркивая неравнозначность союза *Chos srid*.

В 1679 г. Далай-лама издал декрет, согласно которому Сангье Гьяцо (*Sangs rgyas rgya mtsho*, 1653–1705) был назначен дэсридом с более широкими полномочиями и более высоким статусом, чем у его предшественников. Согласно декрету Далай-лама передал ему не только государственные, но и религиоз-

ные дела по управлению Тибетом [17. Р. 341]. Не раскрывая факт смерти Далай-ламы V (1682 г.), регент долгое время самостоятельно управлял Тибетом. Он тайно нашел и опознал Далай-ламу VI Цангьян Гьяцо (Tshangs dbyang rgya mtsho, 1683–1706), приступил к его образованию. Здесь важно отметить еще одну особенность: дэсрид не являлся тулку, но, приступая к своим обязанностям, он обривал голову и надевал монашескую одежду. Дэсриды имели религиозное образование, некоторые принимали монашеские обеты и были приближены к Лабрангу (3) Далай-ламы [17. Р. 334–339].

Приведенные факты говорят о высоком положении дэсридов при Далай-ламе V, под их контролем находилась социально-политическая сфера, их статус и значение в правительстве были закреплены законодательно.

2. Сангье Гьяцо потерпел поражение в борьбе с Лхавсан-ханом, потомком Гуши-хана. С 1706 г. по 1757 г. регенты не избирались, а религиозные обязанности выполнял Панчен-лама. Затяжной период отсутствия регента в правительстве Тибета совпал со временем глубокого внутривластного и религиозного кризиса. Смута в верхах и низах тибетского общества была связана с неясностью – который из двух существующих Далай-лам «истинный»: ставленник Лхавсан-хана Нгаванг Еше Гьяцо (Ngag dbang ye shes rgya mtsho, правил в 1706–1717) или кукунорский хубилган Кэлсанг Гьяцо (Bskal bzang rgya mtsho, 1708–1757). В 1720 г. маньчжурская армия вытеснила джунгарского Цеван-Рабтана (1697–1727) из Лхасы, на престол был посажен Далай-лама Кэлсанг Гьяцо. Молодой Далай-лама еще не был готов приступить к управлению страной, но регент так и не был назначен [6. С. 61]. Вероятно, цинское правительство, влияние которого в это время существенно возросло, не желало повторения ситуации с регентством при Далай-ламе V. В 1721 г. был воссоздан Совет министров – Кашаг (тиб. *bka-bshag*).

В период с 1728 г. по 1735 г. Далай-лама VII пребывал в монастыре Кумбум ввиду джунгарской угрозы и Гражданской войны, и для поддержания баланса сил в правительстве министр Полханэ (Pho lha nas, 1689–1747) получил титул «миванг» (*mi dbang*), что означает «король, правитель» [5:7. С. 50]. Этот статус близок к статусу главы правительства, власть в этом случае делегировалась не Далай-ламой (4).

После Лхасского мятежа 1750 г. цинское правительство инициировало ряд реформ, затронувших религиозно-политическую сферу, то есть основы системы управления. С 1751 г. Далай-лама VII был восстановлен в статусе светского правителя Тибета, самостоятельно управлял Тибетом при поддержке Кашага из четырех министров. Должность дэсрида была официально упразднена.

3. После смерти Далай-ламы VII (с 1757 г.) временным религиозным главой стал Панчен-лама VI Лобсанг Палден Еше (Blo-bzang Gpal-ldan Ye-shes, 1738–1780). Он провел поиск и интронизацию Далай-ламы VIII Джампэл Гьяцо (byams spel rgya mtsho, 1762–1804). Джампэл Гьяцо не проявлял интереса к политическим делам, и правительство Тибета избрало регента для временного исполнения светских обязанностей Далай-ламы. Однако теперь это была принципиально новая форма регентства. Во-первых, регентом в третьем пе-

риоде 1757–1895 гг., указанном в хронологии Л. Петеха [13. Р. 378], стал временный глава правительства Дэмо Тулку Джампэл Гьяцо (De mo Ngag dbang ‘jam dpal bde legs rgya mtsho, 1724–1777) [9. С. 78–88]. Он был шестым тулку линии Дэмо хутухту (5) из региона Кам, имевшим тесные связи с школой Гелуг и монастырем Дрепунг [10. Р. 29–30]. Джампэл Гьяцо получил монашеские обеты от Далай-ламы VII в Лхасе. Во-вторых, он был назначен с санкции цинского императора по ходатайству хутухту Ролпэ Дордже [19. Р. 162]. В-третьих, изменилась процедура избрания регента-тулку, который теперь назывался гьялцаб (*rgyal tshab*). Гьялцаб выбирался на Ассамблее Цонду (*tshong dus*) из числа инкарнаций высших лам четырех лхасских монастырей: Кунделинг (Kundeling), Теньелинг (Tenyeling), Цечолинг (Tsecholing), Цомолинг (Tsomoling) или других крупных монастырей Центрального Тибета [1]. Поиск и назначение тулку на должность регента контролировались императором посредством амбаней, кандидатура утверждалась императором Цин на семилетний срок. Гьялцаб каждый раз выбирался из различных линий инкарнаций, с 1757 г. таких линий было шесть: Дэмо (Demo), Цемолинг (Tsemonling), Ретинг (Reting), Кунделинг (Kundeling), Дирту (Ditru), Тактра (Taktra)) [11. Р. 448].

Гьялцаб Нгаванг (Агван) Цульгим (Ngag dbang tshul khriims) из монастыря Сэра исполнял свои обязанности в Тибете в 1777–1785 гг., затем был повторно избран на срок 1790–1791 гг. Он объединил в своем лице три функции: являлся дисциплинарным наставником Далай-ламы и императора Цяньлуна, регентом и Ганден-трипой (6) [7. Р. 313]. Далее регент восьмой Тацак тулку Тенпэ Гёнпо (Rta tshag VIII Ye shes blo-bzang bstan pa’i mgon po) правил два периода – 1789–1790 гг. и 1791–1810 гг.

Регент-гьялцаб занимал важное место в системе администрирования, он не только «исполнял обязанности» отсутствующего правителя, но фактически «управлял» страной. Неудивительно, что со временем регент представлял отдельный институт власти, который стал основным инструментом цинского влияния в Тибете [2]. Регентская система, при которой кандидатуры выдвигались из числа тулку и назначались с санкции императора Цин (позже – республиканского правительства), просуществовала до 1950 г.

Наименования-титулы регентов

Наименования тибетских регентов, указанные в периодизации, заслуживают отдельного внимания, так как отражают особенности их положения в правительстве на том или ином этапе. В рамках изучаемого периода и согласно хронологии Л. Петеха следующие наименования использовались для обозначения регентства.

1. С начала правления Далай-ламы V с 1642 г. по 1706 г. назначался дэсрид (*sde srid*). Рассмотренные особенности положения дэсридов в правительстве и роль отдельных представителей на этом этапе позволяют заключить, что статус дэсрида далек от традиционного европейского понятия «регент». Дэсрид не просто являлся главой администрирования, советником Далай-ламы,

а «правил» совместно с духовным главой Тибета, представляя вторую, светскую ветвь буддийского правительства *chos srid*. В тибетском термине *sde srid* существительное *srid* означает «светское правление, политическое управление», слово *sde* означает «клан, сообщество, домен, район» – то, что находится в управлении [5:4. С. 361–362; 15]. Семантика термина близка к значению *sde pa* (король), который, так же как *sde srid*, использовался по отношению к более ранним правителям Тибета Ринпугпа и Пагмодрупа [20. Р. 247; 17. Р. 336]. В контексте указанных особенностей административного устройства Тибета и статуса регента *sde srid* буквально может иметь значение: тот, кому вверено «правление областями Тибета». При этом политическая власть делегировалась Далай-ламой или хошутским правителем. Интересно, что наименование *sde srid* использовалось в отношении регентов Далай-ламы V в более поздних источниках. Х. Ричардсон отмечает, что Далай-лама в своем декрете о назначении Сангье Гьяцо и в автобиографии в основном называет регентов *sde pa* и *sa skyong* («защитник государства») [17. Р. 337].

2. Длительный период религиозно-политического кризиса Тибета (1706–1757) характеризовался отсутствием регента в правительстве. Значение титула «миванг» (*mi dbang*), полученного министром Полханэ, а также его сыном Джирме Намгьялом (*Gyur-med nam-rgyal*), предполагает обязанности главы правительства в условиях деполитизации Далай-ламы VIII (7). «Миванг» иногда интерпретируется историками как регент [12. Р. 241]. Буквально термин *mi dbang* означает «король, правитель», встречался при упоминании более ранних правителей, а также в отношении Хубилай-хана [20. Р. 241, 316]. Этот титул не использовался после свержения Намгьяла в 1751 г.

3. С 1757 г. должность регента была восстановлена в новой форме. Теперь регент-гьялцаб выбирался из числа тулку высших монастырей Тибета, утверждался императором Цин. В наименовании *rgyal tshab* вторая часть *tshab* имеет значение «замена кого-либо, исполнение обязанностей», глагол *rgyal* означает «завоевать победу, стать королем» [15]. Так, например, *chos rgyal* означает «король Дхармы», титул *chos kyi rgyal po* Гуши-хан получил от Далай-ламы V в 1638 г. (8). Таким образом, *rgyal tshab* буквально означает «представитель короля», «исполняющий обязанности правителя». Традиционно понятие *rgyal* в сочетании *rgyal ba* использовалось как эпитет для обращения к Будде, а также по отношению к высшим ламам. Термин *rgyal tshab* до 1757 г. также использовался в религиозном контексте в рамках школы Гелуг. Так, ганден-трипа обозначается в качестве *rgyal tshab* Цзонкапы, регенты Панчен-лам также назывались *гьялцаб* [18. Р. 49]. В отношении изучаемого периода, в качестве «правителя, короля», обязанности которого исполнял гьялцаб, должен выступать сам Далай-лама VIII, однако, принимая во внимание его отстраненность от политических дел и особенности назначения регента, вероятно, понятие *rgyal* может иметь отношение к цинскому императору (9).

4. Отдельно следует отметить, что регенты Дэмо Тулку Джампэл Гьяцо и Нгаванг Цультим имели титул «номинхан» (номунхан), который не относится к регентству. *Nominhan* – это монгольский термин, означающий «король

Дхармы», был заимствован императорами Цин (как и титул хутухту) для обращения к некоторым тулку Гелуг [19. Р. 121].

5. Помимо указанных наименований термин сикъёнг (тиб. *srid skyong*) также официально использовался в отношении регентов. Термин *srid*, который встречался в указанных выше понятиях *sde srid* и *chos srid*, означает «политическую власть». Глагол *skyong* означает «управлять», «защищать государство». В период 1757–1950 этот титул относился к правлению Нгаванг Цультама и его преемника [10. Р. 53]. Однако в более широком контексте это понятие использовалось значительно раньше. Далай-лама V во время отсутствия регента самолично исполнял *srid skyong*, то есть управлял Тибетом, затем делегировал *srid skyong* своим дэсридам [17. 337]. В. Шакабпа отмечает, что фактически сикъёнгом называли не только регентов, но всех, кому была делегирована политическая власть при Далай-ламе [20. Р. 464]. В этом случае разница между двумя понятиями *srid skyong* и *rgyal tshab* заключается в том, что регент-гьялцаб «управлял» страной, пока Далай-лама не достиг совершеннолетия, сикъёнг назначался для содействия, помощи Далай-ламе в руководстве страной [20. Р. 619].

Этот термин используется и в настоящее время. Далай-лама XIV в 2011 г. при передаче политической власти избранному главе Тибетского правительства в изгнании (Индия, Дхарамсала) Лобсанг Сенге (Blo bzang seng ge, 1968), назвал его сикъёнгом [3]. В англоязычной публицистике наименование сикъёнг отождествляется с «президентом».

Заключение

История тибетского регентства примечательна большим разнообразием терминов, использовавшихся для обозначения этой должности. Семантика каждого понятия тесно связана с религиозно-политической традицией Тибета, особенностями взаимоотношений между регентом и Далай-ламой, с тенденцией усиления цинского влияния к концу XVIII в., а также с другими условиями, при которых тот или иной регент был назначен. Опираясь на указанную специфику в наименовании и обязанностях регента-дэсрида, регента-гьялцаба и сикъёнга, можно заключить, что: 1. Регенты на протяжении XVII–XVIII в. занимали исключительное положение, являясь не только «исполняющими обязанности» главы правительства Далай-ламы в политических, светских, даже духовных делах при его отсутствии или несовершеннолетии, но также «управляли» Тибетом при номинальном главенстве Далай-ламы. Ввиду чего использовать термин «регент» применительно к XVII–XVIII вв. следует с оговорками. 2. Семантическая близость и синонимичность перечисленных тибетских понятий несколько усложняет понимание функций и роли регентов-правителей на разных исторических этапах, однако позволяет проследить традиции и преемственность принципа политического руководства в Тибете начиная с 1642 г. 3. Ввиду этого регент-правитель мог фигурировать в источниках с разными наименованиями-титулами одновременно. При этом

часть терминов (как *sde pa, sa skyong*) использовалась для обозначения руководящих позиций в целом, другие термины (как *sde-srid, rgyal tshab, srid skyong*) преимущественно относились к регентству. 4. Закономерность появления данных наименований в источниках условно соответствует периодам с середины XVII в. до начала XVIII в. для дэсрида, с середины XVIII в. до XIX в. для гьялцаба и позднее для сикьёнга.

Анализ наименований-титулов регентов в Тибете XVII–XVIII вв. подчеркивает уникальное положение представителей этой должности в тибетском правительстве. Неудивительно, что сейчас личность нынешнего сикьёнга Лобсанг Сенге при Далай-ламе XIV, а также Декрет Далай-ламы V о назначении регента 1679 г. привлекли пристальное внимание руководства КНР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Регент-тулку избирался на Ассамблее Цонду (тиб. *tshong dus*), основой которой являлись настоятели трех великих монастырей Гелуг – Сэра, Дрепунг, Ганден (*gdan sa gsum*), а также представители различных линий инкарнации и других органов власти [16. Р. 31].
- (2) В конце XIII в. центральные регионы Тибета Уй (*dbus*), Цзан (*gtsang*), а также Нгари (*mnga'ris*) были поделены на 13 мириархов, включавших по десять тысяч семей, и переданы Хубилай-ханом в правление Пагба-ламе. Этимология слова «мириарх» (англ. *myriarch*) в историческом контексте близка к монгольскому тумену. См. The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com/en/definition/myriarch>
- (3) Лабранг (тиб. *bla brang*) – монастырское имущество, передающееся по линии инкарнации Далай-ламы; казна, а также резиденция Далай-ламы. Подробнее см. [11. Рр. 449–450; 15].
- (4) В 1740 г. цинский император Цяньлун пожаловал Полханэ титул «цзюнь-ван» (君王) за ревностную службу [9. Р. 318].
- (5) Хутухту – монгольский термин (*хутагт* – «святой»), обозначающий инкарнированного ламу, тулку. Вошел в использование во время Алтан-хана. Цинские императоры использовали это наименование как титул для различных линий тулку, за исключением Далай-ламы и Панчен-ламы [19. Р. 35–36].
- (6) Ганден-трипа (*dGa'-ldan Khri-pa* «Держащий Золотой Трон») – титул духовного лидера школы Гелуг и настоятель монастыря Ганден, выборная должность.
- (7) *Mi dbang* имеет значение «царь, владыка людей», использовался и как эпитет для Вишну. [5:7. С. 50].
- (8) Полный титул Гуши-хана *Bstan 'dzin Chos kyi rgyal po* – «Религиозный царь и хранитель буддийской веры» [17. Р. 335].
- (9) Далай-лама VIII принял верховную власть над страной в 1781 г., однако управление в основном оставалось в руках регента Нгаванг Цульгима. Верховный иерарх не проявлял интереса к политическим делам. Ввиду этого для наблюдения за деятельностью Далай-ламы и министров в 1789 г. цинским императором был утвержден и назначен следующий регент Тенпэ Гёнпо (восьмой Тацак тулку), который фактически «управлял» Тибетом до 1810 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бу Цюн*. Ласа сы да «линь» дэ лиши юлай (Истоки четырех великих монастырей Лхасы). Бэйцзин: Сицзан яньцзю. 2004. № 2. URL: http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2004/02/200705/t20070514_235691.html
- [2] *Китинов Б.У., Люлина А.Г.* Первые регенты – тулку Тибета и их роль в управлении страной // *Oriental Studies*. Элиста: КИГИ РАН, 2019. № 2. С. 164–173.
- [3] *Никольский В.* Новый калон-трипа Лобсанг Сангай выразил надежду на скорое воссоединение тибетского народа / Сохраним Тибет: центр тибетской культуры и информации. 09.08.2011. URL: <http://savetibet.ru/2011/08/09/tibet.html>
- [4] Пагсам-Джонсан: история и хронология Тибета / Пер. с тибетского языка, предисловие, комментарий Р.Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, 1991.
- [5] *Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 4, 7 / Ред. Ю. Парфинович и В. Дылыкова. М.: Наука, 1983–1993.
- [6] *Солощева М.А.* Кукурский мятеж 1723–1724 гг. и его значение для истории Тибета // *Вестник СПбГУ. Серия 13*. 2013. Вып. 1. С. 58–67.
- [7] *Цзинь Лэй*. Люши баньчань эрдэни Баньдань Иси (Панчен-лама VI Палден Еше) // Цзанчуань фоцзяо, хофо чжуаньши чжиду яньцзю луньвэньцзи (Сборник статей по изучению тибетского буддизма и системы реинкарнации тулку) / Гл. ред. Га Дава Цайжэнь. Бэйцзин: Чжунго цзансюэ чубаньшэ, 2007. С. 293–317.
- [8] *Шакабпа Цепон В.Д.* Тибет: политическая история / Пер. с англ. А. Дюранова, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нарганг, 2003.
- [9] *Я Ханьчжан*. Далай-лама чжуань (Биографии Далай-лам). Бэйцзин: Хуавэнь чубаньшэ, 1999.
- [10] *Dewey W.K.* Union of Religion and Politics: The Tibetan Regency of Ngawang Tsültrim: dissertation for the Doctor of Philosophy in Religious Studies. Santa Barbara: University of California, 2017.
- [11] *Goldshtein M.C.* The Circulation of Estates in Tibet: Reincarnation, Land and Politics // *The Journal of Asian Studies*. 1973. Vol. 32. No. 3. Pp. 445–455.
- [12] *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: History of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p.
- [13] *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // T'oung Pao. Second Series. 1959. Vol. 47. Pp. 368–394. (In Eng.)
- [14] The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com>
- [15] The Tibetan and Himalayan Library: THL Tibetan English Translation tool. URL: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php>
- [16] *Rahul R.* The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p.
- [17] *Richardson H.E.* The Fifth Dalai Lama's Decree Appointing Sangs-rgyas rgya-mtsho as Regent // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1980. Vol. 43. No. 2. Pp. 329–344.
- [18] *Rockhill W.W.* The Dalai lamas of Lhasa and Their Relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908 // T'oung Pao, Second Series. 1910. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–104.
- [19] *Schwieger P.* The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015.
- [20] *Shakabpa W.D.* One Hundred Thousand Moons: An Advanced Political History of Tibet. Vol. 1 / Translated by Derek Maher. Leiden: Brill, 2009.

REFERENCES

- [1] *Bu Qiong*. Lasa si da “lin”de lishi youlai (The origins of the four great monasteries of Lhasa). Beijing: Xizang yanjiu, 2004. No. 2. URL: http://www.tibet.cn/periodical/xzyj/2004/02/200705/t20070514_235691.html (In Chin.)
- [2] *Kitinov B.U., Ljulina A.G.* Pervye regenty – tulku Tibeta i ih rol’ v upravlenii stranoy (First regents-tulku of Tibet and their role in governing the country // Oriental Studies. 2019. No. 2. Pp. 164–173 (In Russ.)
- [3] *Nikol’skij V.* Novyj kalon-tripa Lobsang Sangaj vyrazil nadezhdu na skoroe vossoedinenie tibetskogo naroda (The new Kalon-Tripa Lobsang Sangai expressed hope for a speedy reunion of the Tibetan people) / Save Tibet: Tibetan Culture and Information Center. 09.08.2011. URL: <http://savetibet.ru/2011/08/09/tibet.htmlK> (In Russ.)
- [4] Pagsam-Jonsan: History and Chronology of Tibet / Trans., annotation, commentary by R.E. Pubaev. Novosibirsk, 1991. (In Russ.)
- [5] *Roerih Ju.N.* Tibetsko-russko-anglijskij slovar’ s sanskritskimi paralleljami (Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels). Vols. 4, 7. Moscow, 1983–1993 (In Eng.)
- [6] *Soloshheva M.A.* Kukunorskij mjatezh 1723–1724 gg. i ego znachenie dlja istorii Tibeta (Kukunor Rebellion of 1723–1724 and its Significance for the History of Tibet) // Vestnik SpbGU. 2013. Vol. 13. No. 1. Pp. 58–67. (In Russ.)
- [7] *Jin Lei.* Liushi banchan erdeni Bandan Yixi (Panchen Lama VI Palden Yeshe // Zangchuan fojiao, hufo zhuanshi zhidu yanjiu lunwenji (Collection of articles on the study of Tibetan Buddhism and the tulku reincarnation system) / Dawa Cairen. Beijing, 2007. Pp. 293–317. (In Chin.)
- [8] *Shakabpa W.D.* Tibet: politicheskaja istorija (Political History of Tibet) / Trans. A. Djuranova, ed. A. Terent’ev. Saint Petersburg, 2003. (In Russ.)
- [9] *Ya Hanzhang.* Dalai Lama zhuan (Biographies of Dalai Lamas). Beijing: Huawen chubanshe, 1999. (In Chin.)
- [10] *Dewey W.K.* Union of Religion and Politics: The Tibetan Regency of Ngawang Tsültrim: dissertation for the Doctor of Philosophy in Religious Studies. Santa Barbara: University of California, 2017.
- [11] *Goldshtein M.C.* The Circulation of Estates in Tibet: Reincarnation, Land and Politics // The Journal of Asian Studies. 1973. Vol. 32. No. 3. Pp. 445–455.
- [12] *Petech L.* China and Tibet in the early XVIIIth century: History of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p.
- [13] *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // T’oung Pao. Second Series. 1959. Vol. 47. Pp. 368–394. (In Eng.)
- [14] The Oxford English Dictionary. URL: <https://www.lexico.com>
- [15] The Tibetan and Himalayan Library: THL Tibetan English Translation tool. URL: <http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php>
- [16] *Rahul R.* The Government and Politics of Tibet. Delhi: Vikas Publications, 1969. 160 p.
- [17] *Richardson H.E.* The Fifth Dalai Lama’s Decree Appointing Sangs-rgyas rgya-mtsho as Regent // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1980. Vol. 43. No. 2. Pp. 329–344.
- [18] *Rockhill W.W.* The Dalai lamas of Lhasa and Their Relationship with the Manchu Emperors and China, 1644–1908 // T’oung Pao, Second Series. 1910. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–104.
- [19] *Schwieger P.* The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. New York: Columbia University Press, 2015.
- [20] *Shakabpa W.D.* One Hundred Thousand Moons: An Advanced Political History of Tibet. Vol. 1 / Translated by Derek Maher. Leiden: Brill, 2009.

Some aspects of regent titles in Tibet (XVII–XVIII)

A.G. Lyulina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
117198, Moscow, Russia, Miklukho-Maklaya str., 6

Historical sources provide variety of Tibetan and Mongolian terms that were related to the position of regent in the Tibetan government of the XVII–XVIII centuries: *desrid*, *deba*, *gyaltsab*, *gyalpo*, *miwang*, *nominhan* and others. Probably, such a variety is associated not only with the constant changes of regent role and functions in some periods of Tibetan history, but also with the specifics of the relationship between politics and religion in a Buddhist state, as well as with the influence of Qing Empire. An analysis of the listed items in the context of the Tibetan system of government will allow classifying them by meaning and historical periods, to identify differences from the classical European concept of “regent”. It also helps to study some details of the regency history in Tibet, which has only few researches at the moment.

Key words: Tibet, regent, Dalai Lama, political power, Tibetan language, terminology

Информация об авторе / Information about the author

Анастасия Геннадьевна Люлина, кандидат исторических наук, ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: alyulina88@gmail.com

Anastasiya Lyulina, PhD in history, People's Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social sciences, Department of Foreign languages. E-mail: alyulina88@gmail.com

Для цитирования / For citation

Люлина А.Г. К вопросу о наименованиях регентов в Тибете (XVII–XVIII вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 202–212.

Lyulina A.G. Some Aspects of Regent Titles in Tibet (XVII–XVIII) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 202–212.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

02.11.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-213-221

Research article

Display of Zen principles on distinctive features of Japanese business culture

A.A. Agekyan

National Research University “Higher School of Economics”
17 Malaya Ordynka St., bldg. 1, Moscow, 119017, Russia

S.V. Shaposhnikov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory St., bldg. 44, Moscow, 119234, Russia

The aim of the research is to determine peculiarities of Japanese business culture, which formation and development was resulted from the influence of Zen Buddhism. The relevance of issue stems from the fact that in the context of globalization it is necessary to understand cultural specificities of business cultures in order to improve and adapt them to the constantly changing business environments. The main hypothesis to be confirmed is that core principles and values of modern Japanese companies’ practices to a great extent have been developed in the context of Zen, that served as a principle guideline of monks’ and samurai’ economic operations several centuries prior. The hypothesis will be proved through mixed methodology with the implementation of descriptive, historical and comparative analysis.

Key words: Zen Buddhism, Japanese business culture, Japan

Introduction

Being accepted as a religious and philosophical doctrine, Buddhism has significantly contributed into ideological basis of power legitimation at early stages of state formation. This process of legitimization affected the ruling house, as well as aristocratic families and immigrants from the mainland who had to justify their right to govern. Furthermore, Buddhist temples performed as economic agents being engaged in trade, legal relationship (ownership of land) and economic activities (manage granted farmlands). Consequently, Buddhism began to define specifics of Japanese style of business operations. These guidelines were later accepted and developed by the warrior class samurai, who due to the socio-political reasons were

© Agekyan A.A., Shaposhnikov S.V., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

forced to change their primary activity and became the founders of the first enterprise units.

General remarks on what is Zen

Buddhism began to attain popularity in Japan in the VI century primarily because of social and ideological circumstances. There were no beliefs of unified character in the V–VI centuries, and we can identify two main cults common for that period: cult of ancestors and cult of landscape deities. However, not all ancestral deities and families worshiping them were included in the official sacral genealogies. Moreover, most of families were not satisfied with the position occupied by their ancestral deities in the pantheon. Consequently, Shinto served as an ideological basis for local centrifugal tendencies and early Japanese state could not find an ideological support in it. Moreover, Buddhism propagated an idea of equality. This ideological framework could become the possibility for immigrants that constituted the significant part of nobility to be included in the ruling class [1. Pp. 78–79]. These factors predetermined the interest in Buddhism and contributed to the formation of several Buddhist schools. Nevertheless, in this work we will study more precisely the philosophical doctrine of Zen Buddhism, focusing on its influence on Japanese business model.

According to Zen, enlightenment can be gained only via immediate and direct intuitive understanding of reality. Zen emphasizes not faith in a savior or education, but self-effort for mental discipline. This teaching began to flourish when monk Eisai (1141–1215) founded the Rinzai School of Zen in 1191. After a while, monk Dōgen founded the Sōtō school of Zen. The latter found fertile ground in the countryside among peasants and samurai of modest means, while Rinzai School was disseminated among the upper strata of the military class [2. Pp. 9–11; 3. Pp. 119–120].

Zen is not a philosophy in the narrow sense of this word, since its system is not based on the principles of logic or analysis, no set of concepts. Zen literature does not consist of abstract statements or conceptual reasoning, it is compiled from “anecdotes”, “incidents” or “questions and answers”. At the same time, it is hard to treat Zen as a religion, as far as there is no God to worship, nor ceremonial rituals to observe, and nor belief in immortal soul. Zen doctrine only points the direction giving a right to teach oneself on his/her own [4. Pp. 38–39; 5. Pp. 63, 352]. As well as the key task for a Japanese manager is to provide conditions in which workers can develop giving instructions that might seem extremely vague for western businessmen. Thus, senior management can be characterized as supervisory rather than “authoritarian”.

Role of Buddhism in Feudal Japan from historical and political perspectives

Active construction of Buddhist temples at expenses of the court and donations in Japan started in 710. From the very beginning Buddhist temples performed the role of good suppliers to the markets, where it was possible to purchase not only

foodstuffs but also writing materials and Buddhist sutras. Moreover, since the tax system has not yet been entirely developed, the main form of exploitation was labor duties, which contents were determined not only by the state but also by Buddhist temples. Buddhist temples were frequently granted lands and farmsteads. During the Heian period (794–1185) regardless of state's aspiration to distance from Buddhist temples, the latter still enjoyed number of privileges including private law on land possession and tax immunities. Furthermore, Buddhist temples became patrons of small landowners who passed to the temples land ownership but retained the right to manage the lands [1. Pp. 115–182].

One of the distinctive features of Kamakura period (1185–1333) was establishment of multipolar power system due to the interception of imperial family's political power by a new class of warriors, *bushi*. By that time warriors already had significant economic and political control based to a large degree on income from trade with China. However, they were trying to gain more influence asserting control over the lands of aristocracy or temples. However, Buddhist temples began to operate as economic agents even more actively. In particular, it was due to the emergence of markets that were formed nearby large monasteries and were located at the crossroads of waterways and roads. On the 2nd, 12th and 22nd of each month these settlements turned into markets assuring economic foundations of their dwellers. Moreover, as a result of intensive economic monetization, a new category of population has appeared – moneylenders. This category was represented either by wealthy merchants of port cities or by monks, who received large incomes from their private lands as well as from congregation's offerings in monetary terms. In 1285 Buddhist and Shinto temples were allowed to transfer their lands to other temples or private persons. It was a legal recognition of the process of purchase and sale of the land [1. Pp. 195–249].

In XV–XVI centuries Buddhist temples that began to reflect primarily interests of warriors not only possessed extensive areas of land, but also participated actively in all spheres of political and economic life. In addition to the enormous material resources, temples also had large human reserves. Buddhist economic independent communities involved broad sectors of the population: peasants and citizens, craftsmen and merchants and even significant number of samurai. Moreover, Buddhist temples maintained ties with foreign merchants and built customs gates within the country [1. Pp. 286–316].

Having described the Feudal period of Japan we must conclude that during Kamakura and the first part of Muromachi (1336–1600) periods, Buddhist temples became to operate as economic agents more actively. It was exactly Buddhist priesthood who was among the first moneylenders and parties to contracts of sale and purchase. Being at the origins, Buddhist temples laid down the principal guidelines of these operations, providing a framework for implementation of bilateral and multilateral business activities. Nevertheless, starting with Oda Nobunaga (1534–1582) actual governors and shoguns began to implement measures limiting political and economic influence of Buddhist temples eliminating the system of customs gates and strictly controlling temples' properties.

Zen and the Samurai

For historical reasons, Zen Buddhism was initially embraced by the military class as an agency of cultural advancement and political consolidation. Hence, Kamakura, being the seat of feudal government and militaristic regime became the center of Zen [5. Pp. 29, 63].

Spirit of Zen was in compliance with the intended character of samurai's life. The main common points between Zen and Bushido are aloofness from worldly affairs, exhortation to the willpower, virility and simplicity. From a religious perspective, Zen Buddhism teaches samurai not to leave the chosen path but to follow it expressing the will power and not looking backward. From a philosophical point of view, Zen was embraced by samurai with its apathetic attitude towards life and death. However, the main reason for samurai's favor towards Zen was its practicality coupled with asceticism. Samurai, constantly facing the death, has to be free from attachments to various objects and life in general. Moreover, Zen addresses the issue of death without ritualism or sophisticated learning. Zen teaches that in order to be ready to give life, it is necessary to attain state of "no-mind-ness" (*mushin*), which is a state of mind free of dualities and concerns about death or immortality [5. Pp. 30, 61–94].

Nevertheless, in the beginning of XVII century changing living conditions in Japan forced Shinto and Buddhist monks, samurai and peasants to alter their habitual foundations and traditions. Most of them became merchants. As a result of policy known as *heinō bunri* (separation of samurai from peasants) pursued by the second "great unifier" Toyotomi Hideyoshi, part of samurai class remained in the villages. They began to be called *gōshi* (rural samurai) and were deprived from the right to carry a sword, which meant deprivation of their former social status. Having rather good material base, they began to be engaged in trade. Moreover, in the beginning of the Edo period (1600–1868) powerful feudal lords *daimyōs*, who were promoted from the ranks of samurai, have been forced to concentrate on economic activities. This tendency was mainly common for *daimyōs* who were in opposition to Tokugawa Ieyasu. Various repressive measures were applied to them (reduction of land properties, compulsory military service). However, the most burdensome duty was construction and repair works in Edo, supply of workforce and materials costs. Consequently, this led to the impoverishment of their principalities, emphasizing the necessity of new sources of income which resulted in alteration of their main field of activities and formation of firms [1. Pp. 408–576].

One remarkable fact deserving notice at this point is that samurai who were forced to start performing trade operations began to compile the code of conducts. These rules referred not only to the range of responsibilities, but also to the rules of conduct and relationships between employees. Such example is a House code of 1720 compiled by Takatoshi Hachirōbei, the founder of Mitsui Group. It stated that new employees had to show piety to long-working and elderly people and peace in the house could be reached only when master and the servants are in harmony [1. Pp. 485–496; 6. Pp. 5–6, 13].

One of the founders of the leading financial and industrial corporation Sumitomo Group is Masamoto Sumitomo (1585–1652). He was a Buddhist monk who took off monk's robe and opened a shop selling books and medicines when persecutions started. In a consequence, production and sell of high quality copper has become the main source of income. Masatomo described principles of business conduct in Monjuin Shiigaki (Founder's Precepts) laying the foundations for several charters of Sumitomo family compiled in the XVIII century [1. Pp. 497–501].

Charter regulating operations on the copper mine Besshi was completed in 1721 and consisted of 13 rules. The rule number 12 stated that while addressing the issue of prices it is worth to take into account collegial decision. Such decision-making process is typical for many modern Japanese enterprises. According to paragraph 13 it is necessary to implement vocational training, which would allow in case of productive needs to use workers in different positions, as far as employees would have an experience of work in different production sites. This practice of "personnel reshuffle" is common for modern Japanese companies as well [1. P. 501].

Consequently, Zen Buddhism being religious and philosophical teaching was embraced by samurai as a framework of ideas allowing them to reconcile with their social duties. However, due to the historical circumstances they were forced to change their major field of activities. By that time, when samurai began to open their first shops and began to be engaged in their first economic operations, Buddhism has already had centuries of experience in the sphere of commodity and money relations. Hence, it could serve as a guidance of principles of labor organization.

Display of Zen principles on distinctive features of Japanese business culture

In this paragraph we will distinguish features of Japanese business culture that were affected by principles of Zen Buddhism.

Meaning of work. Work in Japan is considered to be an activity that adds meaning to life. This is related to the fact that in Japanese society person's status in company refers to the position in workplace as well as to the social status outside the company. However, this perception of work is also emphasized by the Buddhist view that work is a spiritual discipline leading to the achievement of Nirvana. For Zen monks there is no work beneath their dignity as they believe in its holiness [4. Pp. 18; 7. Pp. 71].

We can draw a parallel between this attitude of Buddhist monks and a Japanese practice called *Jinji ido* or re-distribution of personnel as a way to help people develop their careers and keep from stagnant. As a result of this "personnel reshuffle" an employee can be assigned to various positions in various office locations. Furthermore, traditionally job boundaries in Japanese companies were not clearly defined. Employees were not provided with job descriptions since they were supposed to work flexibly beyond their job responsibilities and subunits. This management style that pays particular attention to multi-skilled workers is called *Genba Shugi* [8. P. 147].

Role of human relationship. The impact of Zen Buddhism is also reflected in the role of human relationships as far as it underlines the significance of tolerance

and spiritual equality, respect for elders and loyalty. In terms of business, it determines community characteristics of Japanese business model, which core principles are concepts of reciprocity and harmony. To maintain them, subordinates should be loyal to their superiors and superiors should be concerned with the well-being of subordinates [9. P. 27]. Furthermore, the main aim of negotiations is to reach consensus by making each member to be involved in this process. This emphasizes equality of people taking part in the decision-making process and significance of their opinions. This bottom-up decision making process is called *ringi seido*, that defines the procedure of particular idea's discussion, confirmation carried out by all those who might be affected by the decision [10. P. 50].

Maintenance of long-term relations also has several reflections on the way how Japanese managers treat their customers and partners. Namely, aftersales personal visits and a culture of giving gifts can be mentioned. These practices express the desire not to be limited by business interactions but to establish more confidential relations.

Japanese attitude towards the contract and significance of circumstances. In Japanese business culture trust is the most essential part. Thus, it is not necessary to sign detailed contracts. Even if there is a written contract, content is very simple and brief. It reflects Buddhist perception of life according to which reality is inconstant. In such conditions, human kind is expected to be flexible in order to be able to adapt to occurring changes. The only way to attain flexibility is to get rid of attachments. Words, themselves, are attached to certain conditions. Hence, they become meaningless as soon as they are taken out of their original context. Furthermore, words tend to detach from certain contexts and turn into conception. Whereas, conceptualization is exactly what Zen Buddhism strives to avoid [11. P. 6].

Contract is considered to serve as a formal testimony of long-term trust-based relationships established rather than an instrument used by parties to designate mutual duties and obligations. It enables parties to sit down repeatedly at the negotiating table if required, underlining the significance of long-term relations to be maintained rather than focusing on short-term intermediate results.

Such an attitude towards the contract also reflects Zen Buddhists' view on the significance of words and sacred sutras. It is considered that true and sincere attitude cannot be expressed through words as they can lose their practical value while they cannot correspond to the actual facts or conditions [4. Pp. 40, 59–61].

Importance of silence. Being verbose and argumentative is not typical for Japanese business people who give preferences to facts without emotional or conceptual dimensions. Triviality of words is related to the fact that conceptual contexts determine their meanings. However, silence is not constrained by such boundaries and truth can be comprehended only in silence [11. P. 7]. It specifies significance of silence that has reflections on Japanese business culture, namely, on *haragei* or the way of conducting of negotiations during which expanded context is gained from a surrounding environment. In case of controversial issues, appealing to silence is a way to release the tension and enable parties to continue negotiations. Moreover, silence can express an intuitive understanding between the interlocutors. The meaning of

the context and silence as a communicative tool may vary depending on the situation. Hence, non-verbal communication adds value to the verbal communication.

Self-control and self-discipline. Ability to conceal personal reaction, emotions and feelings not expressing them in words, testifies that in the system of priorities one's state of mind is less significant than the state of society. This is a display of self-control and self-discipline.

Adherence to self-discipline is indispensable in aspiration for perfection. Deliverance as well as purification can be attained only when person is conscious of every thought, word and act [2. P. 24].

Self-discipline is expected to be one of the main characteristics of Japanese managers. Being a part of a company, the Japanese employee should be guided by company's strategy and cultural value and has to follow the instructions of superior not subjecting them to doubt or controversy. Furthermore, such peculiarities of Japanese business negotiations as minimal body language, sitting in a formal upright posture, not expressing any reactions or emotions can be also interrelated with self-control.

Emphasis on observation and learning. According to the Zen doctrine, truth and essential ideas can be grasped only by seeking for a new point of view that was unavailable earlier and can expand the boundaries of consciousness. Acquiring a new viewpoint is called *satori*. *Satori* is an outcome of simplest possible experience, of an insignificant event, after which person realizes that everything he wants to see and comprehend always was nearby [4. P. 88, 92].

This attitude reflects the focus of Japanese companies on observation and learning based on experience. For instance, when it comes to the development of new product companies use information gained from their customers and their reviews. Here we can as well make a reference to the Japanese-style production practice *kaizen* that denotes not only endless improvement but also day-to-day accumulation of the results by virtue of such practices as quality control circles. Being integrated into the Toyota production system (TPS or Lean production) this accumulation aims at facilitating higher levels of productivity and quality. In general, practice-oriented inductive ways of conducting research and development are more inherent to Japanese people than theory-oriented deductive ways [10. P. 260].

Another example illustrating emphasis on observation and learning is the Japanese problem solving system that is sometimes abbreviated as *Ho* (*hokoku*, or report), *Ren* (*renraku*, or contact) and *So* (*sodan*, or consult). This system encourages not only collective decision-making, mutual trust and cooperation in the group, but also prevents re-occurrence of the problem in the future.

Conclusion

The analysis shows that cultural specificity of Zen Buddhism reflects strongly on main features of Japanese management culture, defining long-term planning, participative management, trust and interdependence, emphasize on teamwork and cooperation as traditional characteristics of Japanese style management.

REFERENCES

- [1] *Zhukov A.E.* History of Japan. From ancient times till 1868. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1998. (In Russ.)
- [2] *Senzaki N.* Buddhism and Zen. New York: Philosophical Library, 1953.
- [3] *Kim Y.C.* Oriental thought. An Introduction to the philosophical and religious thought of Asia. Springfield: Charles C. Thomas Publisher, 1973.
- [4] *Suzuki D.T.* An introduction to Zen Buddhism. New York: First Evergreen Black Cat Edition, 1964.
- [5] *Suzuki D.T.* Zen and Japanese culture. Princeton: Bollingen Paperback printing, 1973.
- [6] *Horie Y.* The role of the ie (家 – house) in the economic modernization of Japan // Memories of the Faculty of Economics in the Kyoto University. 1966. No. 36(1). Pp. 5–6.
- [7] *Alston J.P., Isao T.* Japanese business culture and practices. A guide to twenty-first century Japanese business. Bloomington: iUniverse, Inc., 2005.
- [8] *Fukui N.* Changes in performance appraisal in Japanese companies // Norio K. Japanese management in change. Tokyo: Springer Japan, 2015. Pp. 141–158.
- [9] *Tanaka K.* The perceived development and unperceived decline of corporate governance in Japan // Norio K. Japanese management in change. Tokyo: Springer Japan, 2015. Pp. 17–34.
- [10] *Bird A.* Encyclopedia of Japanese business and management. New York: Routledge; 2002.
- [11] *Gloria G.* Japanese cultural values in business relationships. Madrid: Elcano Royal Institute, 2015 (cited 2019 July 7). URL: <https://www.coursehero.com/file/42106637/ARI29-2015-Garcia-Japanese-cultural-values-business-relationshipspdf/>

Научная статья

Влияние дзэн-буддистского мировоззрения на бизнес-культуру Японии

А.А. Агекян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, стр. 1,

С.В. Шапошников

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 44

Цель данной работы – определение особенностей японской бизнес-культуры, становление и развитие которых обусловлено влиянием дзэн-буддизма. Актуальность проблемы обусловлена тем, что в условиях глобализации необходимо понимать культурные предпосылки формирования бизнес-процессов, чтобы совершенствовать и адаптировать их к постоянно меняющимся экономическим условиям. Автор работы полагает, что основные принципы и ценности управленческой практики японских компаний в значительной степени были разработаны в контексте дзэн-буддизма, который определял особен-

ности экономических операций монахов и самураев в прошлом. Данная гипотеза будет подтверждена применением описательного, исторического и сравнительного методов исследования.

Ключевые слова: дзэн-буддизм, бизнес-культура Японии, Япония

Информация об авторах / Information about the authors

Агемян Ани Акововна, магистрант Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: aaagekyan@edu.hse.ru

Шапошников Сергей Вячеславович, кандидат экономических наук, доцент Высшей школы бизнеса МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ani Agekyan, master student in National Research University Higher School of Economics Faculty of World Economy and International Affairs, School of Asian Studies. E-mail: aaagekyan@edu.hse.ru

Sergey Shaposhnikov, PhD in Economics, Associate Professor at Business School Lomonosov Moscow State University. E-mail: shaposhnikov@mgubs.ru

Для цитирования / For citation

Агемян А.А., Шапошников С.В. Влияние дзэн-буддистского мировоззрения на бизнес-культуру Японии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 213–221.

Agekyan A. A., Shaposhnikov S. V. Display of Zen principles on distinctive features of Japanese business culture // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 213–221.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

11.08.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-222-234

Научная статья

Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение

Лу Чуньюе

Чанчуньский педагогический университет

КНР, г. Чанчунь

Сибирский федеральный университет

Россия, 660041, Красноярск, пр-т Свободный, 82А

Процесс нормализации китайско-советских отношений отражает постепенное освобождение внешней политики Китая от рамок стратегического мышления, сформировавшегося во время Холодной войны, и отражает новую дипломатическую концепцию, сложившуюся и обогащенную китайскими лидерами в ходе реформ открытости. После почти трех десятилетий китайские лидеры наконец выдвинули программу «Социальный путь с китайской спецификой» и выбрали «независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику», которая характеризует осуществление коренной координации между национальной стратегией развития Китая и внешней политикой конца 50-х гг. XX в., знаменуя собой окончание Холодной войны. Нормализация советско-китайских отношений оказала важное влияние не только на весь процесс Холодной войны, но и на социальные и политические процессы в Китае в первую очередь. Процесс развития советско-китайских и российско-китайских отношений напрямую отражает установление и регулирование внутренней и внешней политики после основания Нового Китая, имевшего большое влияние на международной политической арене.

Ключевые слова: Холодная война, советско-китайские отношения, Дэн Сяопин, Михаил Горбачев

Введение

Цель данной работы – проанализировать эволюционный процесс нормализации советско-китайских отношений в период Холодной войны и после его окончания, доказать историческое значение процесса нормализации китайско-советских отношений для дальнейшего развития обеих стран.

Внешняя политика Китая, следуя руководящей идее стратегии безопасности государства, со временем избавляется от устаревшей модели мышления, сформировавшегося в условиях международной Холодной войны. Международные отношения Китая, развиваясь, в итоге сформировали ситуацию

© Лу Чуньюе, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

конфронтации между двумя основными группами, то есть между Востоком и Западом. Выдающимся достижением Китая является то, что после 30 лет Холодной войны Китай смог одновременно сохранить нормальные отношения с США и СССР.

Исследование

В начале 1990-х гг. Холодная война, длившаяся более 30 лет, внезапно закончилась, спровоцировав большие перемены в странах Восточной Европы. В 1991 г. распался Советский Союз, тем самым поставив финальную точку в Холодной войне.

В это беспокойное время Китай преодолел огромные трудности, укрепил экономические и военно-политические позиции, благодаря чему в 1993 г. вновь начал стремительное развитие.

Одним из наиболее важных и символических событий является подписание 18 мая 1989 г. «Совместного китайско-советского коммюнике», завершившего процесс нормализации отношений с Советским Союзом.

Регулирование стратегии развития Китая изменило его внешнюю политику по отношению к Советскому Союзу

2 октября 1949 г. Советское правительство объявило о признании нового Китая. И уже на следующий день, 3 октября 1949 г., Китай и Советский Союз установили дипломатические отношения. 14 февраля 1950 г. был подписан «Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи», который явился не только одним из важных факторов, приведших к распространению Холодной войны в Восточной Азии, но и к тому, что Китайская Народная Республика оказалась на переднем крае Холодной войны в Восточной Азии, выступая в качестве союзника Советского Союза и долгое время сражаясь с США. Через тридцать лет Китай полностью вышел из Холодной войны, сумев нормализовать отношения с Советским Союзом.

На рубеже 40–50-х гг. СССР и КНР демонстрировали полное единство по всем международным проблемам. Широко распространенный лозунг 50-х гг. XX в. «Русский с китайцем – братья навек!» наглядно характеризует суть китайско-советских отношений.

После смерти Сталина в 1953 году произошли изменения в советской внешней политике, в том числе и в отношениях с Китаем. Началась длительная и болезненная полоса разногласий между СССР и Китаем. Велись острейшие споры, в которых обе стороны обвиняли друг друга во всех проблемах и неудачах. Фактически в начале 60-х гг. отношения между Советским Союзом и Китаем были на грани разрыва. Летом 1960 г. Москва неожиданно отозвала советских экспертов и специалистов, помогавших Китаю в создании его промышленной базы, прервав осуществление многих проектов. Были также сокращены или задержаны поставки сырья, оборудования и запасных частей.

Позже Советский Союз потребовал возвращения кредитов, предоставленных Китаю, начиная с 1950 г. Началось противостояние двух стран [1].

11 сентября 1969 года идея «нормализации советско-китайских отношений» обсуждалась между советским и китайским премьер-министрами в пекинском аэропорту. Премьер-министр СССР А. Н. Косыгин сказал, что руководство СССР считает необходимым принять все меры для улучшения советско-китайских отношений. Премьер-министр КНР Чжоу Эньлай подчеркнул, что спор о марксизме-ленинизме между КНР и СССР не должен препятствовать нормализации китайско-советских отношений [2. С. 320–321]. После этой встречи были восстановлены пограничные переговоры и торговые связи. Позже премьер-министры также обменялись письмами. В ответном письме Чжоу Эньлаю А.Н. Косыгин предложил меры по нормализации ситуации на границе. В октябре 1969 г. возобновились переговоры по пограничным вопросам. Однако китайская сторона доказывала существование серьезной военной угрозы со стороны СССР и готовилась к возможному «масштабному вторжению СССР» [3. С. 453]. Принцип «препятствий» на пути к улучшению взаимоотношений между СССР и КНР Дэн Сяопин сформулировал 29 августа 1979 года на собрании Политбюро ЦК КПК. Еще до этого 3 апреля 1979 года постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принял решение не продлевать Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Китаем и Советским Союзом, заключенный в 1950 году. Министр иностранных дел КНР Хуанхуа на встрече с послом СССР в КНР И. С. Щербаковым сообщил об этом решении советской стороне и вновь подтвердил неуклонную позицию китайского правительства развивать китайско-советские нормальные отношения на основе пяти принципов мирного сосуществования [4]. Однако в СССР трактовали пять принципов как основу для взаимоотношений между СССР и капиталистическими странами. С социалистическими странами, по мнению СССР, отношения должны строиться на основе «братской помощи и сотрудничества». [5. С. 11]. Таким образом, враждебная атмосфера между двумя странами вновь усилилась. Однако в июне 1979 года обе стороны договорились провести переговоры на уровне зам. министров иностранных дел по нерешенным между СССР и КНР вопросам. Такие переговоры состоялись 17 октября 1979 года в Москве. На переговорах советская сторона предложила проект совместной Советско-китайской декларации. Китайская сторона также предложила документ об улучшении китайско-советских отношений, в котором требовала снизить военную угрозу, уменьшить «военную силу» в пограничном районе до уровня 1964 года, отвести войска и военное оборудование из Монголии, прекратить поддержку Вьетнама в Кампучии. Китайская сторона в официальном порядке впервые сформулировала принцип «препятствий» на пути к улучшению советско-китайских отношений [5. С. 12].

В конце 70-х гг. обе стороны признали, что противостоянию нет конца. Лидеры двух стран пытались выработать новую дипломатическую стратегию, но несмотря на это советско-китайские отношения не улучшились.

Начало 1979 г. ознаменовалось новым обострением советско-китайских отношений. 3 апреля 1979 г. на Седьмом заседании Постоянного Комитета Все-

китайского Собрания Народных Представителей было объявлено, что после истечения срока действия «Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи», подписанного в феврале 1950 г., договор не будет продлен.

Изменения политики Китая в отношении Советского Союза в 1980-х годах были синхронизированы с регулированием стратегии национального развития Китая и концепции национальной безопасности. Концепция имела комплексный характер и, в понимании китайского правительства, включала государственный суверенитет, территориальную целостность и военную безопасность; затрагивала проблемы политической и социальной стабильности, ресурсов и экологии. В области международных отношений китайское правительство призывало к взаимному уважению суверенитета, взаимному ненападению и невмешательству во внутренние дела, равноправию и мирному сосуществованию [6].

В это же время правительство Китая выступило с заявлением, в котором предложило провести двусторонние переговоры на уровне министров в Москве по устранению препятствий для нормализации отношений между двумя странами. По сравнению с предыдущими на этих переговорах не были выдвинуты предпосылки для решения вопроса о границе, что свидетельствует о том, что политика Китая в отношении Советского Союза начала меняться. Огромные изменения во внутренней политике Китая повлекли за собой и трансформацию внешней политики, особенно в отношении Советского Союза. Центральный Комитет КПК определил политическую линию, ориентированную на экономическое строительство и национальную стратегию развития в направлении реформ и открытости.

После прекращения «Советско-китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи» Китай предложил Советскому Союзу подписать новое соглашение о регулировании отношений между двумя странами. Однако переговоры, начавшиеся в сентябре 1979 г., показали, что не было никаких предпосылок для урегулирования отношений между двумя странами: переговоры скоро прекратились из-за советского вторжения в Афганистан, сыгравшего определённую роль в ослаблении атмосферы советско-китайских отношений.

До 12-го Национального конгресса КПК в 1982 г. политика Китая в отношении Советского Союза все еще была под сильным влиянием стратегии безопасности Мао и внешней политики. Конечно, поддержка Советским Союзом вторжения Вьетнама в Камбоджу и советского вторжения в Афганистан усилила небезопасность Китая, что привело к возникновению «советской угрозы», по определению китайских лидеров [7. С. 239–240].

Лидеры Китая и Советского Союза хотят улучшить китайско-советские отношения

В начале 1980-х годов советское руководство предприняло попытку активизировать отношения с Китаем. 24 марта 1982 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев во время визита в Ташкент заявил о том, что СССР

не ставит под сомнение социалистический характер Китая и хотел бы развивать отношения с ним без предварительных условий и не в ущерб третьим странам. Дэн Сяопин выразил мнение китайской стороны. Он сказал о том, что если СССР хочет серьезного улучшения отношений с КНР, то должен добиваться этого делами, а не словами. Под делами китайское руководство подразумевало решение вопроса о трех препятствиях [5. С. 13].

10 августа 1982 г. директор департамента Советского Союза и Европы Министерства иностранных дел Ю Хунлян отправляется в Москву, чтобы устно передать Советскому Союзу позиции и условия, на которых Китай будет серьезно добиваться нормализации советско-китайских отношений.

В сентябре 1982 г. 12-е Всекитайское Собрание Народных Представителей КПК определило новую внешнюю политику (независимую дипломатическую стратегию, в которой особое внимание уделялось развитию дружественных отношений и сотрудничества со всеми странами на основе пяти принципов мирного сосуществования) [10]. Китайские лидеры были полны решимости идти по пути нормализации советско-китайских отношений. Поэтому Третий пленум 11-ого созыва ЦК КПК определил стратегический курс, ориентированный на экономическое строительство и реформу открытости. Другим важным фактором, который нельзя игнорировать, явилось то, что быстро растущие расходы на оборону с середины 1960-х гг. оказали серьезное негативное влияние на экономику страны, изменение ее национальной стратегии и привели к практическим трудностям в экономическом развитии. Все эти обстоятельства привели лидеров Китая к мысли, что они значительно преувеличивают «так называемые советские угрозы».

В начале 1980-х гг. отношение администрации Рейгана к тайваньскому вопросу заставило китайских политиков принять решение дистанцироваться от США. Вопрос о поставках вооружений США на Тайвань резко обострил конфликт между двумя странами. Сложившаяся политическая обстановка в мире привела к изменениям в отношениях между тремя странами: Китаем, США, Советским Союзом. Особенно это коснулось Китая и Советского Союза.

В 80-х гг. плановая система Советского Союза стала главным препятствием на пути социального развития, а гонка вооружений стоила огромных ресурсов, что существенно снизило общую государственную мощь страны. В 1982 г. Андропов после вступления в должность, стремясь избавиться от застойного социально-экономического развития, начал реформы, направленные на урегулирование международной политической обстановки.

24 марта 1982 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев выступил с речью о политике в отношении Китая. Он отметил, что политика Советского Союза в отношении Китая может измениться. СССР стремится строить отношения на добрососедской основе, принципах мирного существования. Но позиция КНР не меняется. В связи с этим советским правительством были вы-

двинуты 4 основных принципа строительства отношений между КНР и СССР. 1. Признание наличия в Китае социалистического общественного строя, что роднит его с СССР. 2. Признание принадлежности Тайваня к территории КНР, что способствовало решению тайваньского вопроса в пользу Китая. 3. Отказ Советского Союза от каких-либо территориальных претензий к КНР и его готовность продолжать переговоры по вопросам пограничных зон в целях углубления доверия друг к другу. 4. Готовность СССР начать переговоры с Китаем по улучшению китайско-российских отношений с учетом взаимных интересов, невмешательства в дела друг друга и ненанесения ущерба третьим сторонам [9].

С октября 1982 г. возобновились прерванные с 1980 г. советско-китайские переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел. Всего были проведены 12 раундов политических консультаций, основным содержанием которых явилось обсуждение устранения «трех основных препятствий», предложенных Китаем для развития отношений между двумя странами.

Изменение стратегии развития СССР и Китая на международной арене способствует улучшению советско-китайских отношений

Еще в середине 1980-х гг. Дэн Сяопин четко заявил, что мир и развитие являются двумя темами современного мира [10. С. 105]. 1 ноября 1984 г. на симпозиуме Центральной военной комиссии он объявил о разоружении миллиона военных [11. С. 266–267], утверждая, что угрозы начала новой войны не существует. Это произошло намного раньше, чем начались изменения политической ситуации в Советском Союзе. Таким образом, мнение о том, что Горбачев придал “новую жизнь” нормализации китайско-советских отношений, не совсем верно. Важным моментом является также изменение понимания китайскими лидерами международной ситуации в мире.

В марте 1985 г. в СССР пришел к власти М. С. Горбачев. В день избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС он выразил надежду на улучшение китайско-советских отношений. Эту же мысль Горбачев повторил вице-премьеру Китая Ли Пэну, который пришел выразить соболезнование в связи со смертью К. У. Черненко, заверив, что китайско-советские отношения могут достичь “значительного улучшения” [12. С. 309]. В декабре 1985 г. Ли Пэн, возвращаясь из Европы, встретился с М. С. Горбачёвым. Во время двухчасовых переговоров Горбачев в основном говорил о надежде на улучшение китайско-советских отношений, о внутренних реформах страны и о тех препятствиях, с которыми непосредственно столкнулась реформа [8. С. 308–309]. Этот год стал переломным для нормализации советско-китайских отношений, и его действительно можно рассматривать как символ коренной трансформации внутренней и внешней политики Советского Союза. Причина, по которой

Горбачев не смог принять серьезного решения по улучшению советско-китайских отношений, была в том, что он столкнулся с огромными трудностями, связанными с внутренними проблемами страны.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что Горбачев был искренен в желании улучшить советско-китайские отношения. Но, к сожалению, в тот момент времени у него не было необходимых условий для принятия практических мер.

В 1986 г. Дэн Сяопин решил предпринять большой шаг для улучшения китайско-советских отношений. Он выдвинул условия: Советский Союз должен предпринять практические действия для устранения так называемых «трех препятствий» [9], то есть Советский Союз должен сначала отвести войска из советско-китайского приграничного района, Монгольской Народной Республики и Афганистана, а также убедить Вьетнам отвести войска из Камбоджи. Это одна из важных причин, почему трудно добиться прогресса в советско-китайских отношениях [10. С. 105].

Китайские лидеры обозначили преодоление «трех основных препятствий» как условие нормализации китайско-советских отношений. Объективно взвешивая двухсторонние отношения, они считали, что военные операции и военное развертывание Советского Союза в азиатском регионе – прямая и серьезная угроза для безопасности Китая.

Хотя советско-китайские отношения в этот период практически не изменились, но урегулирование Китаем своей политики по отношению к Советскому Союзу действительно улучшило стратегическое положение Китая, заставив США принять более позитивную позицию в дальнейшем развитии китайско-американских отношений.

Уже сразу после прихода к власти новый Генеральный секретарь КПСС М.С. Горбачев заявил о том, что СССР «целестремленно и настойчиво будет укреплять взаимосвязи и развивать сотрудничество с другими социалистическими странами, в том числе и с Китайской Народной Республикой» [11. С. 266–267].

М.С. Горбачев повел дело к полномасштабной нормализации отношений с КНР, считая их составной частью встраивания внешнеполитических интересов Советского Союза в новую структуру отношений ведущих мировых государств. Эти мероприятия подготовили почву для визита М. С. Горбачева в Пекин (май 1989 г.), в ходе которого были нормализованы советско-китайские межгосударственные отношения и связи между КПСС и КПК [12. С. 309].

После XXVII съезда на закрытом совещании ответственных работников МИД СССР, которое проводилось в мае 1986 г., Горбачев заявил, что «добрососедские отношения с КНР для нас не менее важны, чем с США и другими странами. Китай – ядерная держава, которая быстро развивается сейчас. От советско-китайских отношений все более зависит внешнеполитическая обстановка в мире». В начале декабря 1988 года СССР посетил Министр ино-

странных дел КНР Цянь Цичэнь. Это был первый визит китайского министра иностранных дел в СССР с 1957 года. Цянь Цичэнь заявил о том, что надо форсировать вывод войск Вьетнама из Кампучии. Советская сторона выразила свое согласие о необходимости решения проблемы Кампучии. Когда Цянь Цичэнь закончил свой визит, он заявил, что нормализация советско-китайских отношений началась. В феврале 1989 года Э.А. Шеварднадзе (министр иностранных дел СССР) прибыл с визитом в Пекин. Итоги визита позволили конкретизировать многие важные аспекты предстоящих советско-китайских переговоров [5. С. 14].

Впервые спустя 30 лет после установления дружеского союза эта встреча между Китаем и Советским Союзом проводилась на высшем уровне. Отношения между двумя странами и двумя партиями были нормализованы благодаря мудрому предложению Дэн Сяопина «Закрывать прошлое и открывать будущее». Он подчеркнул, что Китай не будет вторгаться в другие страны и не будет никому угрожать [13]. В 1989 г. Визит Горбачева стал символом нормализации советско-китайских отношений, отправной точкой для дальнейшего развития советско-китайских и российско-китайских отношений. После встречи было опубликовано «Совместное китайско-советское коммюнике». Обе стороны подтвердили установление нового типа государственных отношений в соответствии с пятью принципами мирного сосуществования. Советско-китайское сближение, начатое Брежневым и завершенное Горбачевым, – самый большой успех советской политики в Азии с 1949 года и один из немногих реальных успехов азиатской политики Горбачева [14].

Вслед за тем, в апреле 1990 г., в ходе визита в Москву Председателя Госсовета КНР Ли Пэна, была подписана серия соглашений по сотрудничеству в сфере экономики, торговли, науки, техники и культуры [15]. В мае 1991 г. в качестве ответного визита Горбачева в Китай Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь посетил Советский Союз.

В области международных отношений китайское правительство призывает к взаимному уважению суверенитета, взаимному ненападению и невмешательству во внутренние дела, равноправию и мирному сосуществованию. В период Холодной войны Китай постепенно переходит на принципы неконфронтации, неприсоединения, невмешательства в дела третьей стороны и избавления от идеологической борьбы в процессе нормализации советско-китайских отношений. Китай не стремится установить стратегические отношения с Советским Союзом против третьих сторон.

Нормализация китайско-советских отношений отражает некоторые коренные изменения в концепции внешней политики и является отправной точкой для дипломатии Китая в эпоху постхолодной войны.

После окончания Холодной войны, выступая против однополярной глобальной гегемонии, установленной США, советско-китайское сотрудничество

смогло ослабить политическое давление друг на друга, оказываемое США. Это имело важное практическое значение для двух стран. Под влиянием американских факторов российско-китайские отношения неизбежно оказались бы нестабильными. Однако до тех пор, пока существует однополярная гегемония США, будет существовать давление, которое США оказывает на Китай и Россию, и чем больше это давление, тем более тесным будет российско-китайское стратегическое партнерство, тем более продуктивным будет сотрудничество в продвижении многополярности в мире.

Изменение стратегии развития Китая и Советского Союза привело к изменению внешней политики двух стран. Это событие символично: после 30 лет Холодной войны в противопоставленном биполярном мире Китаю удалось установить и сохранить нормальные отношения с восточным и западным миром.

Заключение

В данной статье автор показывает, что Китай смог выйти из Холодной войны в основном благодаря политике Дэн Сяопина: он решил отказаться от конкуренции между двумя моделями социального развития США и Советского Союза. В самом начале китайские лидеры выбрали такую стратегию развития, которая называется «следование модели развития Советского Союза» и решили создать союз с СССР во внешней политике. Это первая фундаментальная координация между стратегией развития Китая и внешней политикой. После почти трех десятилетий поворотов китайские лидеры наконец выдвинули «социальный путь с китайской спецификой» и выбрали «независимую и неприсоединившуюся мирную дипломатическую политику». С этими идеями с конца 1950-х годов национальная стратегия развития и внешняя политика Китая достигли фундаментальной координации, закончив период холодной войны, длившийся 30 лет.

Нормализация советско-китайских отношений имеет большое значение в истории отношений социалистических стран.

Во-первых, с точки зрения корректировки внешней политики Китая и трансформации внешних отношений, нормализация советско-китайских отношений является одним из наиболее важных достижений независимой внешней политики Китая, которых он достиг после проведения политики реформ и открытости. Это также знаменует собой завершение трансформации структуры внешних связей Китая, создание всеобъемлющей многоуровневой системы дипломатии, совместимой с политикой реформы и открытости.

Во-вторых, с точки зрения двусторонних отношений, в процессе нормализации китайско-советских отношений были установлены основные принципы, которые должны соблюдаться в отношениях между двумя странами. Эти принципы, безусловно, лежат в основе интересов двух народов и создают прочную основу для двусторонних отношений, в которых обе стороны стали конструктивными стратегическими партнерами.

В-третьих, со стороны общей ситуации развития международной обстановки нормализация советско-китайских отношений способствует миру и стабильности в Азии и мире. До окончания холодной войны Китай и Советский Союз установили отношения неприсоединения, неконфронтации, ненацеленности на третьи стороны. Это послужило примером для налаживания и развития отношений между крупными державами после холодной войны.

В-четвертых, нормализация отношений между Советским Союзом и Китаем установила принцип мирного урегулирования споров. Китай и Советский Союз разрешили все споры между двумя странами путем мирных переговоров. Изменения в международной ситуации и корректировка внешней политики Китая также являются важными факторами. Нормализация советско-китайских отношений неотделима от реформ двух стран. С углублением реформы различия между двумя странами уменьшались и по многим вопросам получили общее развитие.

В-пятых, нормализация отношений между Советским Союзом и Китаем установила принцип здоровых международных отношений. Обе стороны объявили о своей приверженности политике мира и не стремились к гегемонии. Обе стороны выступали за повышение престижа ООН, отводя ей активную роль в международных делах, разоружении, решении глобальных проблем и региональных конфликтов больших и малых стран, оставляя право за каждой страной участвовать в международной жизни.

Россия и Китай являются близкими соседями. История китайско-российских отношений составляет 400 лет.

Оглядываясь назад на историю китайско-российских отношений за последние 100 лет, Китай и Россия трижды подписывали союзный договор. Хотя подписания трех союзных договоров производились в разные исторические периоды, но обе стороны выразили искренность и надежды «оказать взаимную военную и другую поддержку и помощь в общих интересах прекращения агрессии и защиты мира». Изучая внутренние и внешние факторы трех альянсов [19] до подписания «договора о добрососедстве и дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией» [20. С. 388], очень важно отметить значимость укрепления взаимного доверия и развития дружественных и совместных отношений между двумя странами.

Не так давно президент Си Цзиньпин и президент Путин подтвердили, что «неприсоединившиеся, неконфронтационные, не нацеленные на третьи стороны» отношения, являются «основной чертой» «всестороннего стратегического партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху».

По случаю 70-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Россией Китай и Россия могут с уверенностью сказать, что они накопили достаточно опыта и мудрости для поддержания отношений между двумя странами [21].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Развитие отношений между СССР и Китаем в XX веке. URL: <http://davaiknam.ru/text/razvitie-otnoshenij-mejdu-sssr-i-kitaem-v-xx-veke-stanovlenie>
- [2] Биография Чжоу Эньлая в хронологической последовательности 1949–1976. Пекин: документальное исследование кабинета ЦК КПК, 2010. С. 320–321.
- [3] Вопреки интересам мира и социализма // Правда. 1979. 7 апр.
- [4] Жэньминь Жибао. 1979. 4 апр.
- [5] Балакин В.С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960–1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству. 2016. Т. 16. № 1. С. 11–14.
- [6] Развитие концепции национальной безопасности в свете обеспечения обороноспособности Китайской Народной Республики на современном этапе. URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-207966.html>
- [7] Дэн Сяопин. Современная обстановка и задача // Собрание избранных произведений Дэн Сяопина. Т. 2. М.: Жэйминь чубаньшэ, 1994.
- [8] Народный Конгресс Коммунистической партии Китая. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/node_7165966.htm
- [9] Советско-китайские отношения в 1960–80-е годы. Попытки нормализации и причины неудач. URL: <https://mybiblioteka.su/7-28282.html>
- [10] Дэн Сяопин. Мир и развитие – это две основные проблемы современного мира // Собрание избранных произведений Дэн Сяопина. Т. 3. М.: Жэйминь чубаньшэ, 1995. С. 105.
- [11] Дэн Сяопин. Сокращение армии, повышение качества армии // Военное собрание избранных произведений Дэн Сяопина. Т. 3. М., 1995. С. 266–267.
- [12] Ли Фэнлин. «Москва, 20 лет», «Китайская современная дипломатия». М.: Мировое знание, 1996. С. 309.
- [13] Визит Михаила Горбачева в Китай [Visit of Mikhail Gorbachev to China]. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1006691.html>
- [14] Советско-китайские отношения в конце Холодной войны. URL: https://ludirosta.ru/post/sovetsko-kitayskie-otnosheniya-v-kontse-kholodnoy-voyny_1904
- [15] Советско-китайские отношения в 1950–1989 гг. URL: <http://biofile.ru/his/32137.html>

REFERENCES

- [1] The development of relations between the USSR and China in the twentieth century. URL: <http://davaiknam.ru/text/razvitie-otnoshenij-mejdu-sssr-i-kitaem-v-xx-veke-stanovlenie>
- [2] Zhou Enlai's biography in chronological sequence 1949–1976. Beijing: a documentary study of the cabinet of the Central Committee of the CPC, 2010.
- [3] Contrary to the interests of peace and socialism // Pravda. 1979. April 7.
- [4] People's Daily. 1979. April 4.
- [5] Balakin V.S., L. Xiaoping. PRC and USSR in the 1960s and 1980s: from confrontation to equal cooperation. 2016. Vol. 16. No. 1. Pp. 11–14.
- [6] The development of the concept of national security in the sence of ensuring the defense capability of the People's Republic of China on the present stage. URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-207966.html>
- [7] Deng Xiaoping. The current situation and the task // Collection of selected works of Dan Dao Xiaoping. Vol. 2. Moscow: Zheimin Chubanshe, 1994.

- [8] National People's Congress of the Chinese Communist Party. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/node_7165966.htm
- [9] Sino-Soviet relations in the 1960s and 1980s. Attempts to normalize and the causes of failure. URL: <https://mybiblioteka.su/7-28282.html>
- [10] *Deng Xiaoping*. Peace and development are two main problems of the modern world // Collection of selected works of Dan Dao Xiaoping. Vol. 3. Moscow: Zheimin Chubanshe, 1995.
- [11] *Deng Xiaoping*. Reducing the army, improving the quality of the army // Military collection of selected works of Deng Xiaoping. Vol. 3. Moscow: Military science. Central literature, 1995.
- [12] *Li Fenglin*. "Moscow, 20 years old," "Chinese Modern Diplomacy." Moscow: Mirovoye znaniye Publ., 1996. P. 309.
- [13] Visit of Mikhail Gorbachev to China. URL: <https://ed-glezin.livejournal.com/1006691.html>
- [14] Sino-Soviet Relations at the End of the Cold War. URL: https://ludirosta.ru/post/sovetsko-kitayskie-otnosheniya-v-kontse-kholodnoy-voyny_1904
- [15] Soviet-Chinese relations in 1950–1989. URL: <http://biofile.ru/his/32137.html>

Research article

The evolutionary process of normalization of Soviet-Chinese relations and its historical significance

Lu Chunyue

Changchun Normal University

Changchun, China

Siberian Federal University

79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

The normalization of Sino-Soviet relations reflects the gradual release of China's foreign policy from the framework of strategic thinking that emerged during the Cold War and reflects a new diplomatic concept that has developed and enriched by Chinese leaders in the course of openness reforms. After almost three decades, the Chinese leaders finally advanced the "Social Path with Chinese Characteristics" and chose the "Independent Peaceful Foreign Policy", which marks the implementation of radical coordination between China's national development strategy and foreign policy since the late 1950s, marking the end of the cold war. The normalization of Sino-Soviet relations had an important influence not only on the entire process of the Cold War, but also on the social and political processes in China, in the first place. The process of development of Soviet-Chinese and Russian-Chinese relations directly reflects the establishment and regulation of domestic and foreign policy after the founding of New China, which has a great influence on the international political arena.

Keywords: cold war, Chinese and Soviet relations, Deng Xiaoping, Mikhail Gorbachev

Информация об авторе / Information about the author

Лу Чуньюе, профессор, Чанчуньский педагогический университет, г. Чанчунь, Китай; аспирантка кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета. E-mail: 1134784777@qq.com

Lu Chunyue, Professor, Changchun Normal University, Changchun, China; Postgraduate student of Department of World History, Siberian Federal University. E-mail: 1134784777@qq.com

Для цитирования / For citation

Лу Чуньюе. Нормализация советско-китайских отношений и ее историческое значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 222–234.

Lu Chunyue. The evolutionary process of normalization of Soviet-Chinese relations and its historical significance// *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 222–234.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

06.11.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-235-246

Научная статья

Священный союз в оценках современной российской историографии

О.В. Жидкова

МГИМО МИД России – Одинцовский филиал
Россия, 143007, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3

Е.А. Попова

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье проводится анализ исследований современных российских историков по проблематике, связанной с возникновением, деятельностью и значением Священного союза как межгосударственного объединения первой половины XIX в. Изучением, анализом и оценками Священного союза занимались ученые и дореволюционного, и советского периодов. Но их выводы во многом определялись политико-идеологическими особенностями двух периодов российского государства. Для современной российской историографии Священного союза характерен отказ как от восхваляющих имперские решения оценок историков царской России, так и объясняющих деятельность Священного союза с реакционных позиций историков советского периода. На современном этапе отечественной исторической науки, благодаря отсутствию идеологических ограничений и привлечению широкого круга архивных источников, ученые продолжают изучать Священный союз и как неотъемлемую часть Венской системы международных отношений первой половины XIX в., и как самостоятельное объединение европейских государств. При этом в работах российских ученых даются оценки личностному и религиозному факторам данной организации.

Ключевые слова: историография, Священный союз, Александр I, Николай I, международные отношения, внешняя политика России, европейские конгрессы 1818–1822 гг.

Введение

В исследовании Венской системы международных отношений, сложившейся в Европе после победы над Наполеоном, историков всегда интересовал непродолжительный, но важный этап этой системы, связанный со Священным

© Жидкова О.В., Попова Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Союзом. Начиная с дореволюционной историографии, в исторической науке ведется изучение Священного союза и как первого европейского объединения государств, и как воплощения идей российского императора Александра I. Внимание специалистов привлекали такие вопросы, как идеологическая основа Священного союза, его направленность, взгляды российского императора Александра I и других основных участников относительно заложенных в основу союза целей, работа конгрессов Священного союза по выработке совместных решений, оценка этих решений, их влияние на дальнейшее развитие международных отношений, а также причины прекращения работы данного объединения. Поэтому кажется важным проанализировать степень исследованности этих проблем в работах современных российских историков.

Работы, посвященные изучению Священного союза, представленные в современной российской науке, можно условно разделить на несколько групп. Первый вид работ представляет собой исследования, в которых теме Священного союза уделяется внимание как части внешней политики России и международных отношений первой половины XIX в. в целом. Второго типа работы непосредственно рассматривают Священный союз как первое межгосударственное объединение стран Европы в первой половине XIX в. и исследуют отдельные вопросы и проблемы, связанные с этим объединением.

Исследование проблемы

Подробный анализ Священного союза проведен в коллективной работе о внешней политике России в первой половине XIX в., ставшей частью пятитомного издания «История внешней политики России (конец XV в. – 1917 г.)». Авторы проследили трансформацию Священного союза из объединения «христианских правителей Европы... для обеспечения стабильности в Европе» во всеевропейский политический орган сохранения и укрепления «венской системы», а затем и «в орган борьбы с революционным и освободительным движением» [1. С. 133–134, 151, 175]. Священный союз как «общеевропейская охранительная система» перестал быть таковым, по мнению авторов работы, в начале 1830-х гг. из-за невыполнимости самой идеи Священного союза – «сохранить абсолютизм» [1. С. 177].

В работе исследователей МГИМО МИД России «Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн», вышедшей в серии «1812 год в истории и культуре России», «приверженность Александра I христианским принципам» [2. С. 250] объясняется геополитическими интересами России. «Обращение к христианским ценностям Священного союза должно было облегчить Александру I защиту единоверцев на Балканах», способствовать осуществлению «активной внешней политики на Балканах, а при благоприятных условиях и на реализацию своей экспансии в этом направлении» [2. С. 251].

В монографии известного российского историка Ольги Васильевны Орлик, посвященной внешней политике России 1815–1829 гг., большое вни-

мание уделено созданию Священного союза и его деятельности в контексте международных отношений. Автор рассматривает европейское направление внешней политики России после Венского конгресса как «политический экспансионизм» [3. С. 23] и Священный союз как «стремление осуществить политическими методами «контроль над пространством», что позволяло сохранять на время мирных отношений баланс сил» [3. С. 25]. В работе отмечается «реакционность позиций Священного союза и его руководителя Александра I» [3. С. 16]. Конгрессы Священного союза О.В. Орлик считает той площадкой, на которой «проявились позиции всех европейских держав не только по вопросам отношения к революциям, но и по ряду других проблем, имевших большое международное значение» [3. С. 37]. В монографии подробно рассмотрена деятельность конгрессов Священного союза, изложены позиции как его членов, так и не входивших в его состав стран. Причину прекращения работы данного объединения О.В. Орлик видит и в охлаждении Александра I «к идее коллективной безопасности в Европе, которую надлежало осуществлять Священному союзу» [3. С. 51], и в обстановке на конгрессах, «которая показала, что сама так называемая федеративная солидарность дала глубокую внутреннюю трещину» [3. С. 51].

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН Е.П. Кудрявцева в своем исследовании, посвященном Венской системе международных отношений, рассматривает Священный союз как часть Венской системы международных отношений, совместно выполнявших «единые поставленные перед созданными объединениями задачи» [4. С. 91]. Основной целью создания этого межгосударственного объединения, по мнению автора исследования, было осуществить «отпор революционному движению, являвшемуся реальной угрозой европейским монархиям» [4. С. 90], который при этом «должен был привести моральный аспект в отношения великих держав» [4. С. 90]. Разделяя преобладающую в историографии точку зрения, что Священный союз «стал формой международного сотрудничества европейских держав» [4. С. 90], автор отмечает и «негативную роль деятельности Священного союза в истории России, сдерживая ее внешнеполитические акции» [4. С. 91]. Но автор не ограничивает существование Священного союза только периодом с 1815 г. по начало 1820-х годов, а пишет о «возрождении» союза и в начале 1830-х годов, и в 1848 г., «когда новая революционная волна, прокатившаяся по Европе, вынудила Россию вспомнить свою инициативную роль в создании европейского объединения монархов и выступить в защиту австрийского союзника. Религиозная терминология достаточно быстро выветрилась из последующих международных актов, сохранив «в сухом остатке» лишь прагматические задачи поддержания устойчивости консервативного порядка на континенте» [4. С. 91].

В своей работе о внешней политике России В.В. Дегоев не разделяет сложившийся после Венского конгресса «европейский концерт» и Священный союз, анализируя деятельность конгрессов в Аахене, Троппау, Лайбахе и Вероне.

Автор дает положительную оценку деятельности «европейского концерта», который, по мнению историка, «сравнительно легко справился с революционными вызовами времени и избежал фатальной формы внутреннего раскола» [5. С. 192]. Автор объясняет «гибкость и прагматизм Священного союза» осознанием его членами того факта, «что не всякую революцию нужно подавлять» [5. С. 192]. В.В. Дегоев считает, что «Александр I и его партнеры по Священному союзу старались не братья за нереальные задачи» [5. С. 192], потому что «пентархия ставила во главу угла общую для нее проблему предотвращения большой войны в Европе» [5. С. 192]. Автор не отмечает религиозного подтекста в создании Священного союза, придерживаясь мнения, «что в политике и во взглядах Александра I смешались гениальные догадки, наивный утопизм и трезвая прагматика» [5. С. 198], хотя и называет Александра I «царем-мистиком» [5. С. 199].

Ряд исследователей в современной исторической науке посвятили свои работы изучению причин создания Священного союза и его идеологических основ. Так, В.С. Парсамов попытался понять «суть замысла русского царя», изучив эволюцию мнений и оценок европейских современников Священного союза. Исследователь проанализировал «эволюцию представлений» французского философа К.А. Сен-Симона, британского министра иностранных дел Р.С. Каслри, австрийского канцлера К. Меттерниха, французского публициста Б. Констана, французского обозревателя и политика А.-Ж. Мауля, министра иностранных дел Франции Шатобриана, английского политического деятеля Дж. Каннинга о Священном союзе. И на основе анализа интерпретаций их взглядов о сути этого союза Парсамов делает вывод, что «политики, с которыми царь собирался строить новую Европу, встретили его идеи либо насмешками, либо тяжелыми подозрениями. Рассеивая эти подозрения, царь вынужден был идти на уступки традиционной дипломатии. Это породило раздвоенность самого понятия Священного союза и, как следствие, сложность его интерпретаций» [6. С. 59]. При этом автор высказывает и свое мнение относительно ведущегося до сегодняшнего дня в историографии обсуждения темы идеологической основы Священного союза, заложенной Александром I при его создании, считая, что «мы не можем определить степень искренности его представлений о возможности строить международные отношения на христианской основе» [6. С. 58].

А.Ю. Бахтурина, изучая причины создания Священного союза и его идеологию, рассматривает акт Священного союза как «не дипломатический по своему существу документ» [7. С. 151]. А «возвышенная идея положить в основу международных отношений новое начало – Евангелие» автором оценивается как «попытка, заранее обреченная на неуспех в многоконфессиональном мире» [7. С. 154]. Поэтому, по мнению автора, акт Священного союза «вызвал лишь безграничное удивление в политическом мире» [7. С. 154] и «высокая идея христианского единения Европы, которую преследовал Александр I, осталась по своей сути неосмысленной» [7. С. 154]. При этом Бахтурина полагает, что в подготовке и создании Священного союза прослеживается же-

ление императора Александра I выстроить посредством этого объединения новые межгосударственные отношения и сформировать «новое отношение к Европе» [7. С. 155]. Ошибочность такого подхода российского императора привела, по мнению автора, к тому, что «русское общество и российский монарх оказались в своего рода нравственной оппозиции к западно-европейским идеологическим концепциям, принципам межгосударственных отношений и системе ценностей» [8. С. 62].

А.И. Яковлев считает очевидным тезис «о противоречивости самой идеи Союза» [9. С. 24], в основу политической конструкции которого были заложены «прагматичность цели и идеализм идеи» [9. С. 19]. При этом, по мнению автора, «не стоит считать Александра I наивным идеалистом» [9. С. 17]. А вот поражение в Крымской войне автор считает расплатой страны за «самодовольное ослепление» Николая I, ошибочно убежденного «в прочности принципов Священного союза и главенствующей роли России в этом проекте» [9. С. 25].

Т.А. Макарова, исследуя предпосылки создания Священного союза, дает отрицательную оценку этому союзу, который, по мнению автора, «так и не стал той наднациональной моделью объединенной Европы, реализовать которую пытался Александр I» [10. С. 169].

Реализацию Александром I при создании Священного союза его религиозной идеи в первую очередь, «а уже затем как внешнеполитическое объединение» [11. С. 124] рассматривает в своих работах А.Ю. Андреев. Доказательством придания Александром I религиозного содержания Священному союзу служат, по мнению автора, межконфессиональные богослужения при участии трех союзных монархов в 1813–1818 гг., включая торжественное богослужение в Аахене, закончившееся «кульминационным жестом – общим рукопожатием» [11. С. 151] трех монархов, «изображающих воспроизведение их «клятвы Священного союза» в виде торжественного обета у алтаря» [11. С. 151]. Исследуя основные принципы «политического богословия» [12. С. 111] Александра I автор отмечает, что «риторика российского императора не вызвала заметного отклика в Русской Православной Церкви, и скорее можно говорить об отторжении ею этих идей» [12. С. 120]. При этом «тезисы Александра были благоприятно восприняты представителями духовенства западных конфессий, которые в своих текстах принимали и развивали идеи российского императора» [12. С. 104]. Несмотря на тот акцент, который автор делает на религиозной составляющей Священного союза и «торжественной репрезентации сокровенных идей Александра I перед глазами всей Европы» [11. С. 153], А.Ю. Андреев отмечает, что из-за подъема революционных волнений в Европе на рубеже 1810–1820-гг., в деятельности Священного союза на смену «религиозной риторики» «выступило его политическое содержание – военный союз крупнейших держав» [11. С. 152–153].

В российской историографии интерес специалистов связан не только с вопросами о целях и идеологии Священного союза, но и уделяется внимание работе конгрессов этого союза, на которых и реализовывалась его политика.

Так, исследование Н.О. Ленивихиной, посвященное первому конгрессу в Аахене, показало всю сложность для его участников достичь консенсуса: «Аахенский конгресс подтвердил союз между державами, воевавшими против Наполеона, но не единство их мнений» [13. С. 107]. В дальнейшем, по мнению автора, на последующих конгрессах в Троппау-Лайбахе и Вероне участие для России в Священном союзе все больше оборачивалось сложностями в решении внешнеполитических задач страны. «Мечта о «всеобщем союзе», в котором Россия играла бы лидирующую роль арбитра, подвела российского императора, заставив его постепенно не только отказаться от декларированных в 1815 г. конституционных идей в “духе времени”, но и все чаще выступать с позиций, противоречащих политическим интересам России» [14. С. 36].

Деятельность второго и третьего конгрессов Священного союза в Троппау-Лайбахе и Вероне рассмотрена также в исследовании М.Л. Мирошниковой, посвященном развитию дипломатии России и Франции в начале 1820-х гг. С одной стороны, отмечает автор, дипломатические отношения между Россией и Францией указанного периода развивались преимущественно в рамках существовавшего Священного союза. А с другой стороны, именно благодаря инициативе и поддержке России как «самого влиятельного члена европейского альянса, – Франция получила возможность играть все более заметную роль в формировании политической линии, проводимой Священным Союзом» [15. С. 20].

Уделяется в современной историографии внимание и роли отдельных политиков в становлении и работе Священного союза. О.А. Савельева, исследуя деятельность российского статс-секретаря по иностранным делам того времени И.А. Каподистрии, считает именно его «проводником политики» [16. С. 135] Александра I в деле создания Священного союза. Каподистрия и по долгу службы, и исходя из собственных убеждений «немало сделал для «пропаганды и защиты» [16. С. 144] идей Священного союза в первые годы его существования. Так, при подготовке к первому конгрессу Священного союза в Аахене Каподистрией был разработан план создания общеевропейской организации – «всеобщего европейского союза», ядром которой должен был стать Священный союз [16. С. 147]. Но именно приверженность Александра I идеям Священного союза стала, по мнению автора, и одной из причин разногласий императора с Каподистрией. Так, был отвергнут разработанный Каподистрией план русской политики в отношении Турции, предложенный им вскоре после Венского конгресса, из-за невозможности осуществления его мирным путем, «а русско-турецкая война могла привести к ослаблению Священного союза» [15. С. 145]. И в дальнейшем на конгрессах Священного союза в Аахене и Троппау-Лайбахе взгляды Александра I и Каподистрии разошлись из-за «реакционного характера» [16. С. 147] решений первого конгресса и нежелания императора согласиться с Каподистрией о «необходимости отмежеваться от политики, проводимой Австрией» [16. С. 148].

Влияние Священного союза на развитие российско-французских отношений в 1820–1840-е гг. отражено в работе О.В. Жидковой. Так, в работе автор пришел к заключению, что в 1820-е гг. участие Франции в этом союзе

стало возможным во многом благодаря инициативе России, что значительно повысило международный статус этой страны. Но уже с начала 1830-х гг. приверженность Николая I европейской политике его брата Александра I как продолжение линии Священного союза [17. С. 20] негативно повлияла на характер российско-французских отношений, что подтверждается напряженностью в отношениях между двумя странами в начале 1830-х гг. [18. С. 150].

Как изменилось отношение России к Священному союзу в начале 1830-х гг., отражено в другой работе Жидковой О.В., посвященной влиянию восстания в Польше в 1830–1831 гг. на дипломатические отношения России и Франции. Российские власти, считая восстание в Польше внутренним конфликтом Российской империи, стали проявлять умеренность из-за этого в европейской политике. И Николай I, впервые в истории Священного союза, был вынужден отказаться, «несмотря на его взгляды... от выбранной ранее тактики борьбы со “злом”» [19. С. 75]. Т.е. внутренние политические сложности, как считал российский самодержец, привели к отказу от выработанной его предшественником идеологии Священного союза.

Хазин А.Л. и Богданов С.В. сконцентрировались в своем исследовании на «коммуникативных инструментах решения международных проблем в деятельности конгрессов» [20. С. 169] Священного союза. Для авторов создание Священного союза – это «дипломатический успех России» [20. С. 173] по целому ряду факторов. Во-первых, потому, что к нему присоединилось большинство стран Европы. Во-вторых, потому что «для Александра I Священный Союз стал главным инструментом внешней политики» [20. С. 173]. В-третьих, для оппонента Александра I канцлера Австрии К. Меттерниха «конгрессы участников Священного Союза хорошо соответствовали его личному коммуникативному стилю» [20. С. 173].

Внимание исследователей привлекают эти две фигуры по причине того, что «лидирующую роль в Союзе играли Россия и Австрия» [20. С. 187]. В работе по-разному интерпретируются цели и политика Священного союза «в первое время» и после Аахенского конгресса. На первом этапе, по мнению авторов, «задача Союза состояла в том, чтобы служить, прежде всего, коммуникационной площадкой, на которой ведущие державы будут координировать свои действия по обеспечению мира в Европе, недопущению каких-либо агрессивных устремлений, способных нанести ущерб безопасности и мирному развитию европейских государств» [20. С. 212]. В дальнейшем, как считают авторы, Меттерних и Александр I «стали видеть в Священном Союзе прежде всего инструмент борьбы с революционным движением» [20. С. 212]. Отдавая должное роли личности и межличностным коммуникациям в международных отношениях, авторы связывают прекращение работы Священного союза после Веронского конгресса 1822 г. со смертью Александра I. «Священный Союз продолжал действовать относительно эффективно до тех пор, пока его неформальным лидером оставался российский император Александр I, идеолог и стратег глобального масштаба» [20. С. 212].

В завершении историографического обзора российских исследований Священного союза за последние несколько десятилетий представляется не-

обходимым остановиться на работе А.Е. Кутейникова, рассматривающего Священный союз с точки зрения политолога. В рамках одного исследования автор делает два важных вывода, которые демонстрируют как противоречивость самого объединения, так и отношение к нему данного автора. С одной стороны, по мнению А.Е. Кутейникова, Священный союз нельзя назвать успешным объединением. «Первая попытка организации коллективного управления европейскими делами завершилась крахом... Созданный из лучших побуждений Священный союз сделался пугалом просвещенной свободы и вместо наведения порядка и умиротворения народов стал источником революций, брожений умов и тайных обществ» [21. С. 122]. С другой стороны, А.Е. Кутейников отмечает, что «фактически Союз стал первой стабильной многосторонней международной структурой», которой удалось частично реализовать «проект постоянного международного объединения» [21. С. 122].

Заключение

В современной российской науке продолжается дискуссия относительно роли Священного союза как во внешней политике России, так и в сложившейся после Венского конгресса системе международных отношений. При этом в российской историографии о Священном союзе рассматривается и оценивается деятельность этого межгосударственного объединения преимущественно через роль России в ее действительности, что, конечно, объясняется инициативой именно Российской империи в ее создании. В этой связи большое внимание в исследованиях уделяется активному участию российского императора Александра I в процессе создания и работы Священного союза. При этом некоторые историки рассматривают вклад Александра I в Священный союз сквозь призму его религиозных взглядов как определяющих деятельность Священного союза.

В целом, в современном российском научном сообществе продолжают высказываться различные мнения относительно идеологии Священного союза, его целей и задач, выработанной участниками стратегии и плана практических мероприятий, а также успехов данного объединения и причин распада единства союза. В большинстве работ отмечается положительная роль Священного союза, направленная на нормализацию межгосударственных отношений в Европе. Объединяющим разные точки зрения исследователей можно выделить вывод о Священном союзе как первой межгосударственной попытке добиться баланса сил коллективными усилиями.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] История внешней политики России. Первая половина XIX в. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М.: Междунар. отношения, 1999.
- [2] Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: научное издание. М.: Аспект Пресс, 2012. (Серия «1812 год в истории и культуре России»).

- [3] Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Андрианопольского мира). М.: Наука, 1998.
- [4] Кудрявцева Е.П. Венская система международных отношений и ее крушение (1815–1854 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 88–106.
- [5] Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
- [6] Парсамов В.С. Священный союз и его интерпретаторы // Россия и современный мир. 2017. № 4 (97). С. 45–60.
- [7] Бахтурина А.Ю. Зарождение и сущность идеи Священного Союза // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 151–155.
- [8] Бахтурина А.Ю. Священный Союз: Россия в судьбе Европы // Рубежи. 1998. № 3–4. С. 54–62.
- [9] Яковлев А.И. Идеология Священного Союза во внешней и внутренней политике России первой четверти XIX в. // Современная научная мысль. 2019. № 2. С. 11–27.
- [10] Макарова Т.А. Роль Александра I в международных отношениях и предпосылки создания Священного Союза // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 164–169.
- [11] Андреев А.Ю. «Литургика» Священного союза: к вопросу о религиозных взглядах Александра I // Филаретовский альманах. 2016. № 12. С. 123–154.
- [12] Андреев А.Ю. Император Александр I, митрополит московский Филарет и идеи Священного союза // Филаретовский альманах. 2017. № 13. С. 104–121.
- [13] Ленивихина Н.О. Россия на конгрессах Священного союза: Ахен, 1818 г. // Научные достижения: сборник статей международной научной конференции. Россия, Москва, 26–27 февраля 2016. М., 2016. С. 102–112.
- [14] Ленивихина Н.О. Деятельность российской дипломатии по подготовке конгресса Священного Союза в Троппау (1820 г.) // История России: на перекрестке мнений сборник научных статей по итогам III межрегиональных исторических чтений, посвященных памяти профессора Б.С. Абалихина. Волгоград, 2007. С. 36–42.
- [15] Мирошникова М.Л. Дипломатия Франции и России в 20-е годы XIX века (франко-русские отношения на конгрессах Священного союза в Троппау-Лайбахе и Вероне – 1820–1822 годы): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 1990. 21 с.
- [16] Савельева О.А. Греческий патриот на службе России. И.А. Каподистрия и Священный союз // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения. 1992. С. 135–150.
- [17] Жидкова О.В. Российско-французские отношения в 20–40-е гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2007.
- [18] Жидкова О.В. Российско-французские отношения в 20–40-е гг. XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 172 с.
- [19] Жидкова О.В. Восстание в Польше 1830–1831 гг. и дипломатия России и Франции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 70–78.
- [20] Хазин А.Л., Богданов С.В. Коммуникативные инструменты решения международных проблем в деятельности конгрессов Священного Союза // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2016. № 4. С. 169–214.
- [21] Кутейников А.Е. Священный Союз – первая в истории стабильная международная структура // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 116–123.

REFERENCES

- [1] Istorija vneshnej politiki Rossii. Pervaja polovina XIX v. (Ot vojn Rossii protiv napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.). Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 1999. (In Russ.)
- [2] Evropejskaja diplomatija i mezhdunarodnye processa jepohi napoleonovskih vojn: Nauchnoe izdanie. Moscow: Aspekt Press, 2012. (Serija “1812 god v istorii i kul’ture Rossii”). (In Russ.)
- [3] *Orlik O.V.* Rossija v mezhdunarodnyh otnoshenijah 1815–1829 gg. (Ot Venskogo kongressa do Andrianopol’skogo mira). Moscow: Nauka, 1998. (In Russ.)
- [4] *Kudrjavceva E.P.* Venskaja sistema mezhdunarodnyh otnoshenij i ee krushenie (1815–1854 gody) // *Novaja i novejsaja istorija*. 2014. No. 4. Pp. 88–106. (In Russ.)
- [5] *Degojev V.V.* Vneshnjaja politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy: 1700–1918 gg. Moscow, 2004. (In Russ.)
- [6] *Parsamov V.S.* Svjashhennyj sojuz i ego interpretatory // *Rossija i sovremennyj mir*. 2017. No. 4 (97). Pp. 45–60. (In Russ.)
- [7] *Bahturina A.Ju.* Zarozhdenie i sushhnost’ idei Svjashhennogo Sojuza // *Voprosy istorii*. 1997. No. 4. Pp. 151–155. (In Russ.)
- [8] *Bahturina A.Ju.* Svjashhennyj Sojuz: Rossija v sud’be Evropy // *Rubezhi*. 1998. No. 3–4. Pp. 54–62. (In Russ.)
- [9] *Jakovlev A.I.* Ideologija Svjashhennogo Sojuza vo vneshnej i vnutrennej politike Rossii pervoj chetverti XIX v. // *Sovremennaja nauchnaja mysl’*. 2019. No. 2. Pp. 11–27. (In Russ.)
- [10] *Makarova T.A.* Rol’ Aleksandra I v mezhdunarodnyh otnoshenijah i predposylki sozdanija Svjashhennogo Sojuza // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2008. No. 1 (13). Pp. 164–169. (In Russ.)
- [11] *Andreev A.Ju.* “Liturgika” Svjashhennogo sojuza: k voprosu o religioznyh vzgljadah Aleksandra I // *Filaretovskij al’mannah*. 2016. No. 12. Pp. 123–154. (In Russ.)
- [12] *Andreev A.Ju.* Imperator Aleksandr I, mitropolit moskovskij Filaret i idei Svjashhennogo sojuza // *Filaretovskij al’mannah*. 2017. No. 13. Pp. 104–121. (In Russ.)
- [13] *Lenivihina N.O.* Rossija na kongressah Svjashhennogo sojuza: Ahen, 1818 g. // *Nauchnye dostizhenija: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Rossija, Moskva, 26–27 fevralja 2016. Moscow, 2016. Pp. 102–112. (In Russ.)
- [14] *Lenivihina N.O.* Dejatel’nost’ rossijskoj diplomatii po podgotovke kongressa Svjashhennogo Sojuza v Troppau (1820 g.) // *Istorija Rossii: na perekrestke mnenij: sbornik nauchnyh statej po itogam III Mezhregional’nyh istoricheskikh chtenij, posvjashhennyh pamjati professora B.S. Abalihina*. Volgograd, 2007. S. 36–42. (In Russ.)
- [15] *Miroshnikova M.L.* Diplomacija Francii i Rossii v 20-e gody XIX veka (franko-russkie otnoshenija na kongressah Svjashhennogo sojuza v Troppau-Lajbahe i Verone – 1820–1822 gody): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 1990. (In Russ.)
- [16] *Savel’eva O.A.* Grecheskij patriot na sluzhbe Rossii. I.A. Kapodistrija i Svjashhennyj sojuz // *Rossijskaja diplomatija v portretah*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1992. Pp. 135–150. (In Russ.)
- [17] *Zhidkova O.V.* Rossijsko-francuzskie otnoshenija v 20–40-e gg. XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: RUDN University, 2007. (In Russ.)
- [18] *Zhidkova O.V.* Rossijsko-francuzskie otnosheniya v 20–40-e gg. XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2007. 172 p.
- [19] *Zhidkova O.V.* Vosstanie v Pol’she 1830–1831 gg. i diplomatija Rossii i Francii // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Serija: Vseobshhaja istorija. 2015. No. 3. Pp. 70–78.

- [20] *Hazin A.L., Bogdanov S.V.* Kommunikativnye instrumenty reshenija mezhdunarodnyh problem v dejatel'nosti kongressov Svjashhennogo Sojuza // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*. 2016. No. 4. Pp. 169–214.
- [21] *Kutejnikov A.E.* Svjashhennyj Sojuz – pervaja v istorii stabil'naja mezhdunarodnaja struktura // *Voprosy istorii*. 2012. No. 4. Pp. 116–123.

Research article

Holy Union in modern Russian historiography

Oxana Zhidkova

Odintsovo Campus of
the Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia
3 Novo-Sportivnaya St., Odintsovo, 143007, Russia

Elena Popova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russia

The article analyzes the research of modern Russian historians on the problems associated with the emergence, activity and significance of the Holy Union as an interstate Association of the first half of the XIX century. The study, analysis and evaluation of the Holy Union were engaged in scientists and pre-revolutionary and Soviet periods. But their conclusions were largely determined by the political and ideological features of the two periods of the Russian state. The modern Russian historiography of the Holy Union is characterized by the rejection of both the assessments of historians of tsarist Russia praising Imperial decisions and those explaining the activities of the Holy Union from the reactionary positions of historians of the Soviet period. At the present stage of Russian historical science, due to the absence of ideological restrictions and the involvement of a wide range of archival sources, scientists continue to study the Holy Alliance as an integral part of the Vienna system of international relations of the first half of the XIX century, and as an independent Association of European States. At the same time, in the works of Russian scientists, the Holy Union is considered and evaluated the personal and religious factors of this organization.

Keywords: historiography, the Holy Alliance, Alexander I, Nicholas I, international relations, Russian foreign policy, European congresses 1818–1822

Информация об авторах / Information about the authors

Жидкова Оксана Витальевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионального управления и национальной политики МГИМО МИД России Одинцовский филиал. E-mail: jidkova.ov@mail.ru

Попова Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН. E-mail: e-popova@yandex.ru

Oxana V. Zhidkova, PhD (in History), associate professor of the Department of regional management and national policy Odintsovo campus of the Moscow State Institute of International Relations MFA of Russia. E-mail: jidkova.ov@mail.ru

Elena A. Popova, PhD (in History), Associate Professor of the Department of World History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: e-popova@yandex.ru

Для цитирования / For citation

Жидкова О.В., Попова Е.А. Священный союз в оценках современной российской историографии / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 235–246

Zhidkova O., Popova E. Holy Union in modern Russian historiography // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 235–246.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

17.11.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-247-255

Научная статья

«Крымская война в коллективной памяти»: современная западноевропейская историография Крымской кампании 1853–1856 гг.

Марк де Болливье

Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Университет Гренобль Альпы (Франция)
1281 Avenue Centrale, 38400 Saint-Martin-d'Hères, France

Статья посвящена анализу современной западноевропейской историографии Крымской войны 1853–1856 гг. Авторы обращаются к проблемам и вопросам, которые преобладают во французских и британских исследованиях, посвященных событиям 1853–1856 гг. В западноевропейской историографической традиции, опирающейся на исследования XIX–XX вв., до сих пор сохраняются малоизученные аспекты, касающиеся событий Крымской войны, например, осады Севастополя, военных операций на Балтийском и Белом морях, в Тихом океане, в Закавказье. Несмотря на явную тенденцию, существующую в современной европейской науке, связанную с изучением Крымской кампании в контексте первой общеевропейской войны, внимание историков стран Западной Европы в большей мере сконцентрировано на изучении Первой мировой войны. Однако в последнее время наметился явный интерес французских, английских и итальянских авторов к черноморскому региону, истории Крыма и, как следствие, к Крымской кампании. Обобщение современного опыта историографии Крымской войны позволяет определить перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Крымская война, Севастополь, историография, антропология войны, Николай I, Наполеон III

Введение

7–9 ноября 2019 г. в Париже состоялась международная конференция, посвященная Крымской войне, организованная профессорами Университета Париж Пантеон Сорбонна Мари-Пьер Рей, Эриком Ансо и Жан-Франсуа Фижаком, при поддержке Центра по изучению истории XIX в., Центра славянских исследований, Фонда Наполеона и Исторической службы обороны. В рамках

© Болливье М. де, 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

работы симпозиума участникам предлагалось обсудить четыре основных проблемы: «Война и дипломатия», «Жизнь на войне», «Экономика, общество и общественное мнение» и «Образы, представления и память», а в итоге ответить на главный вопрос: является ли Крымская война первой общеевропейской войной? [1]

Данный симпозиум имеет большое значение в европейском научном мире, т.к. Крымская война – это событие, которому почти не уделяется внимания не только в современных исследованиях, но и в средствах массовой информации, в результате чего кампания 1853–1856 гг. практически исчезла из коллективной памяти европейских народов. Однако новые изыскания, изучение архивных документов, мемуаров участников Крымской кампании позволяют расширить концептуальные рамки исследований как о самой войне, так и об истории российско-французских, российско-британских отношений в XIX в., напомнить европейскому обществу об уроках прошлого, которые не теряют своей актуальности и в настоящее время.

Примечательно, что в работе данной конференции приняли участие историки из разных стран: Франции, России, Англии, Италии, Турции, Голландии, Туниса, Румынии¹, а проблематика докладов была столь обширна и разнообразна, что заставляет задуматься о необходимости детального анализа событий 1850-х гг. Причем, как показала работа конференции, Крымская кампания объединяет самые различные проблемы европейской ойкумены середины XIX в. Речь идет не только о военных аспектах, но и дипломатии, экономике, политике, общественном мнении, культуре, здравоохранении и др.

Причем если в России интерес к Крымской войне не ослабевал и сохранял свою актуальность и во второй половине XIX в., и в советскую, и в современную эпоху, то в странах Западной Европы, как справедливо отмечали участники конференции в Париже, наблюдается несколько иная тенденция.

Исследование проблемы

Необходимо отметить, что Крымская кампания в историографической традиции XX в. постоянно находилась «в тени» исследований, посвященных Первой мировой войне. Однако те подходы, которые нашли свое применение в рамках изучения Первой мировой войны, оказались востребованы и в контексте анализа событий 1853–1856 гг. Существенная разница заключается лишь в том, что Крымская война в коллективной памяти европейского общества не занимает столь значимого места, как военные операции и дипломатия 1914–1919 гг., более того, не является тем поворотным историческим событием, которое существенным образом повлияло на развитие стран-участниц. При этом именно

¹ М.-П. Рей (Университет Париж I Пантеон Сорбонна); Ж. Арбуа (Университет Сорбонна); Э. Ансо (Университет Сорбонна); Л. Мельникова (ИРИ РАН); О. Поршнева (УРФУ); Е. Линькова (РУДН); С. Бертогто (Архив Турина); М. Сивилоглу (Тринити колледж, Дублин); Ж.-Ф. Фижеак (Университет Сорбонна); Н. Михай (АН Румынии); С. Дюран (Университет Тракия); С. Бухдиба (Университет Туниса); О. Арслан (Университет Измира) и др.

Крымская война оказала существенное воздействие на экономическое развитие западного мира, поспособствовала серьезным изменениям на политической карте Европы, привела к складыванию новой системы международных отношений, союзов и блоков.

За годы изучения Крымской кампании в европейской историографии сложились своего рода векторы исследований, был выделен круг проблем, который привлекал наибольшее внимание историков. Причем историография проблемы представлена работами, посвященными как непосредственно Крымской войне, так и вопросам, связанным с практикой военной службы в странах Западной Европы, с изучением повседневной жизни солдат и офицеров в годы военных конфликтов, с анализом ментальности и антропологией войны. Вместе с тем до сих пор в современной европейской историографии существуют определенные лакуны в изучении Крымской кампании, присутствует излишняя политизированность в освещении исследователями отдельных вопросов, не уделяется внимания компаративному анализу представлений французских, английских, итальянских и российских военных о боевых действиях, о состоянии армии и флота и т.д. Между тем у каждой из воюющих сторон имелось собственное видение войны, суждения о ее целесообразности, подготовленности служб снабжения и т.д.

Известно, что историографическая традиция изучения Крымской войны имеет свои особенности как в России, так и в тех странах, которые принимали участие в кампании 1853–1856 гг.: в Турции, Великобритании, Италии (речь идет о Сардинском королевстве) и во Франции. Однако если итальянская и турецкая [2] историография довольно ограничена, а сама война не занимает центрального места в исторической научной памяти данных государств, то российская и англосаксонская наука традиционно уделяли большое внимание событиям, происходившим на международной арене и на фронтах в 1850-е гг.

Современная европейская историография Крымской войны базируется на той традиции, которая была заложена в предшествующую эпоху, в том числе и в послевоенные десятилетия. Можно отметить, что первые работы, в которых имела место попытка проанализировать события Крымской войны, вышли из-под пера российских и английских историков. Речь идет о книге генерал-лейтенанта М.И. Богдановича (1856 г.) [3] и исследованиях А. Кинглека (опубликованы в 1860-х гг.) [4]. Существенным различием данных работ, а следовательно, и той историографической традиции, которую они заложили, является следующее: для российских исследований характерно изучение военных действий и сражений, личности отдельных флотоводцев, в то время как британцы больше внимания уделяли психоэмоциональной стороне войны, а также анализу деятельности разведки [5, 6].

Французские исследователи начали изучать события Крымской войны еще в 1870–1880-е гг. К подобным изысканиям можно отнести работу К. Руссе, опубликованную в 1878 г. [7]. Обращение к французской историографической традиции представляется весьма интересным вследствие того, что для нее свойственна своеобразная трактовка тех событий, которые довольно однозначно представлены у историков России и Великобритании.

Современная английская историография Крымской войны представлена рядом довольно интересных исследований. Среди самых известных работ можно назвать монографии К. Понтинга [8], О. Файджеса [9], где представлена английская версия событий в Крыму. Книга Р. Вилкинсон-Латам посвящена военной форме, вооружению и организации армии во время Крымской кампании [10]. Американский исследователь Р. Эдгертон провел сравнительный анализ состояния армий союзников, а также различных аспектов обороны Севастополя [11].

Подъем интереса к Крымской войне во Франции был тесным образом связан с ростом интереса к изучению французской политической истории, что привело в итоге к возвращению в поле научных исследований военной истории Франции. В частности, в 1990–2000-е гг. были опубликованы работы Р. Ремона [12], А. Корвизье [13], Э. Древиллона и О. Вьеворка [14], в которых авторы проанализировали французскую политическую и военную историю. Причем центральное место в данных исследованиях занимает именно Первая мировая война. И речь идет не только об изучении хода сражений, но и об истории повседневности, социокультурных аспектах, истории ментальности и т.д. [15, 16, 17, 18]. Притом что интерес к Первой мировой войне существенно выше, нежели к остальным европейским конфликтам, французские исследователи Крымской кампании зачастую используют методы и подходы, которые выработаны в рамках изучения событий 1914–1918 гг.

Обращение к военной истории французского государства на разных этапах его развития дает возможность проанализировать ситуацию, сложившуюся в Европе в 1850-х гг., как это и делают в своих работах исследователи Г. Ортолан [19] и Ж.П. Рорив. Последний рассматривает вопросы географии войны, стратегию враждующих сторон, цели и задачи союзников и русской армии в Севастополе [20].

Едва ли не хрестоматийным стало исследование Крымской войны французского историка А. Гутмана, которое было впервые опубликовано в 1995 г. и впоследствии неоднократно переиздавалось [21]. А. Гутман, получивший Гран-при за свою работу, специализировался на изучении войн Второй империи, использовал обширный архивный материал, опирался на труды предшественников, сумев фактически создать особое направление в изучении Крымской кампании, что подтверждают работы его последователей (например, Б. Бриссе [22]).

Однако при всем многообразии исследований, посвященных Крымской кампании, книги вышеперечисленных авторов не лишены и определенных недостатков. Подобные аспекты зачастую вызывают полемику в научных кругах и свидетельствуют о том, что изучение истории Крымской войны далеко от своего завершения. Например, труд А. Гутмана при всей его фундаментальности и в то же время доступности изложения не содержит анализа тех событий, которые были связаны с операциями на Балтийском море и в Тихом океане. Автор реконструирует лишь картину Крымского театра военных действий. К тому же А. Гутман не обращается к источникам, авторами которых

были младшие офицеры и солдаты, ограничиваясь лишь письмами и мемуарами высшего командования армий или хорошо известными документами и материалами, например, перепиской маршала Леруа де Сент-Арно и «Севастопольскими рассказами» Л.Н. Толстого.

Интересным является то, что российские и советские исследователи рассматривали не только события на Крымском театре военных действий, но и бои на Белом, Балтийском морях, на Дальнем Востоке, на Кавказском и Дунайском фронте. В свою очередь французские и английские историки практически не освещали данные страницы войны. К тому же при наличии значительного количества работ, посвященных именно военным аспектам, долгое время в историографической традиции отсутствовали исследования, в которых рассматривались антропология войны, менталитет солдат и офицеров, настроения в армии и на флоте.

В современной французской историографии именно историко-антропологическому подходу, психоэмоциональному восприятию войны, ментальным установкам военных посвящено немалое количество исследований о Крымской кампании. В рамках избранной темы немаловажно напомнить о справочнике по антропологии истории войны «*Combattre. Une anthropologie historique de la guerre moderne (XIXe–XXIe siècle)*» С. Одуэна-Рузо [23], в котором война рассматривается именно с позиции психологии человека, его менталитета, нравственных убеждений и ценностей.

При подобном разнообразии работ, посвященных Крымской войне, остаются, однако, и малоизученные аспекты. Зачастую за изучением сражений и битв, военной стратегии и планов сторон, дипломатии времен войны и послевоенном урегулировании споров, остаются в тени судьбы и взгляды обычных участников данных исторических событий. Между тем настроения в армии, представления солдат о враге, ожидания и надежды, связанные с войной и ее окончанием, – все эти аспекты являются чрезвычайно важными для понимания специфики того или иного военного конфликта, показывают войну с другой стороны, рисуют т.н. «окопную правду». Человеческий фактор в любом военном конфликте играет немаловажную роль, т.к. именно солдаты и офицеры являются главными акторами, действующими лицами подобных масштабных событий.

Выводы

Безусловно, исследование Крымской кампании в европейской историографии далеко от своего завершения и требует всестороннего и беспристрастного изучения исторических источников: архивных документов, мемуаров участников сражений, отчетов военных, записок гражданского населения. Хотелось бы добавить и необходимость отказа от желания политизировать и вольно интерпретировать события середины XIX в., особенно в свете современных международных дискуссий по крымскому вопросу, ставших столь острыми и неоднозначными в западноевропейском сообществе после 2014 г.

Интерес к истории Крыма, и, следовательно, к Крымской войне в современном европейском общественном мнении и научном сообществе совершенно очевиден. Без сомнения, и российская историческая наука в последние годы уделяет большое внимание событиям как на самом полуострове, так и международной полемике по крымской проблематике. Подтверждением тому могут служить фундаментальные труды и публикации, раскрывающие всю значимость Крымского вопроса в истории России [24–27].

Кроме того, в процессе изучения и осмысления событий Крымской кампании 1853–1856 гг. современные исследователи делают вывод о том, что данная военная кампания явилась предвестником событий начала XX в., а характер и предпосылки Великой войны, как называют Первую мировую войну во Франции, невозможно понять без изучения содержания, особенностей и последствий той борьбы, которая развернулась в Европе в середине XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Colloque “La guerre de Crimée, la première guerre moderne européenne?”. <http://sirice.eu/agenda/la-guerre-de-crimée-première-guerre-moderne>
- [2] *Badem C.* The Ottoman Crimean War (1853–1856). Brill, Leiden – Boston, 2010.
- [3] *Богданович М.И.* Описание экспедиции англо-французов в Крым, 1854–1855 г. СПб.: Тип. Штаба Отд. корп. внутр. стражи, 1856.
- [4] *Kinglake A.W.* The invasion of the Crimea. Its Origin and an Account of its Progress down to the Death of Lord Raglan. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [5] *Furieux H.* Military men of feeling: emotion, touch, and masculinity in the Crimean war. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- [6] *Harris S.M.* British military intelligence in the Crimean war, 1854–1856. London; Portland (Or.): F. Cass, 1999.
- [7] *Rousset C.* Histoire de la guerre de Crimée. Paris: Hachette, 1878.
- [8] *Ponting C.* The Crimean War. The Truth Behind the Myth. Pimlico, 2005.
- [9] *Figes O.* The Crimean War. New York: Metropolitan Books, Henry Holt, and Company, 2010.
- [10] *Wilkinson-Latham R.* Uniforms and weapons of the Crimean War. London: Batsford 1977.
- [11] *Edgerton R.* Death or glory: The legacy of the Crimean war. Boulder (Colorado): Oxford Westview Press, 1999.
- [12] *Rémond R.* Les Droites en France. 4ème édition. Paris: Aubier, 1992.
- [13] *Corvisier A.* Histoire militaire de la France. T. II. De 1715 à 1871. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
- [14] *Drévilon H., Wieviorka O.* Histoire militaire de la France. I. Des Mérovingiens au Second Empire. Paris: Éditions Perrin/Ministère des Armées, 2018.
- [15] *Becker A.* La guerre et la foi. De la mort à la mémoire 1914–1930. Paris: Armand Colin, 1994.
- [16] *Cabanes B.* La victoire endeuillée: la sortie de guerre des soldats français 1918–1920. Paris: Éditions Du Seuil, 2004.
- [17] *Cochet F.* Être soldat. De la Révolution à nos jours. Paris: Armand Colin, 2013.
- [18] *Cochet F.* Expérience combattante – XIXe–XXIe siècles. Former les soldats au feu. Paris: Riveneuve édition, 2011.

- [19] *Ortholan H.* L'armée du Second Empire: 1852–1870. Saint-Cloud: Éditions SOTECA/Napoléon III, 2010.
- [20] *Rorive J-P.* La guerre de siège sous Louis XIV en Europe et à Huy. Bruxelles: Éditions Racine, 1998.
- [21] *Gouttman A.* La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne. Paris: Perrin, 2006.
- [22] *Brisset B.* L'Histoire racontée... La guerre de Crimée 1854–1856. Une première guerre moderne et mondiale. Lille: The Book Edition, 2017.
- [23] *Audoin-Rouzeau S.* Combattre. Une anthropologie historique de la guerre moderne (XIXe–XXIe siècle). Paris: Seuil, 2008.
- [24] История Крыма / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле, 2017.
- [25] *Багдасарян В.Э.* Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М.: Изд-во Московского открытого университета, 2002.
- [26] *Мельникова Л.В.* Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012.
- [27] Крымская война и оборона Севастополя. 1853–1856 / ФГНУ Республиканский мультимедиа центр. М., 2006. URL: <http://www.rnmc.ru/default.asp?artID=678>

REFERENCES

- [1] Colloque “La guerre de Crimée, la première guerre moderne européenne?”. URL: <http://sirice.eu/agenda/la-guerre-de-crimee-premiere-guerre-moderne>
- [2] *Badem C.* The Ottoman Crimean War (1853–1856). Brill, Leiden – Boston, 2010.
- [3] *Bogdanovich M.I.* Description of the expedition of the Anglo-French in the Crimea, 1854–1855. Saint Petersburg: Type. Headquarters Otd. corp. ext. guardians, 1856. (In Russ.)
- [4] *Kinglake A.W.* The invasion of the Crimea. Its Origin and an Account of its Progress down to the Death of Lord Raglan. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [5] *Furieux H.* Military men of feeling: emotion, touch, and masculinity in the Crimean war. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- [6] *Harris S.M.* British military intelligence in the Crimean war, 1854–1856. London; Portland (Or.): F. Cass, 1999.
- [7] *Rousset C.* Histoire de la guerre de Crimée. Paris: Hachette, 1878.
- [8] *Ponting C.* The Crimean War. The Truth Behind the Myth. Pimlico, 2005.
- [9] *Figes O.* The Crimean War. New York: Metropolitan Books, Henry Holt, and Company, 2010.
- [10] *Wilkinson-Latham R.* Uniforms and weapons of the Crimean War. London: Batsford 1977.
- [11] *Edgerton R.* Death or glory: The legacy of the Crimean war. Boulder (Colorado): Oxford Westview Press, 1999.
- [12] *Rémond R.* Les Droites en France. 4ème édition. Paris: Aubier, 1992.
- [13] *Corvisier A.* Histoire militaire de la France. T. II. De 1715 à 1871. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
- [14] *Drévilon H., Wieviorka O.* Histoire militaire de la France. I. Des Mérovingiens au Second Empire. Paris: Éditions Perrin/Ministère des Armées, 2018.
- [15] *Becker A.* La guerre et la foi. De la mort à la mémoire 1914–1930. Paris: Armand Colin, 1994.
- [16] *Cabanes B.* La victoire endeuillée: la sortie de guerre des soldats français 1918–1920. Paris: Éditions Du Seuil, 2004.
- [17] *Cochet F.* Être soldat. De la Révolution à nos jours. Paris: Armand Colin, 2013.
- [18] *Cochet F.* Expérience combattante – XIXe–XXIe siècles. Former les soldats au feu. Paris: Riveneuve édition, 2011.

- [19] *Ortholan H.* L'armée du Second Empire: 1852–1870. Saint-Cloud: Éditions SOTECA/Napoléon III, 2010.
- [20] *Rorive J-P.* La guerre de siège sous Louis XIV en Europe et à Huy. Bruxelles: Éditions Racine, 1998.
- [21] *Gouttman A.* La Guerre de Crimée. 1853–1856. La première guerre moderne. Paris: Perrin, 2006.
- [22] *Brisset B.* L'Histoire racontée... La guerre de Crimée 1854–1856. Une première guerre moderne et mondiale. Lille: The Book Edition, 2017.
- [23] *Audoin-Rouzeau S.* Combattre. Une anthropologie historique de la guerre moderne (XIXe–XXIe siècle). Paris: Seuil, 2008.
- [24] The history of the Crimea. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. (In Russ.)
- [25] *Bagdasaryan V.E.* The Russian war: a century-long historiographical experience of understanding the Crimean campaign. Moscow: Moscow Open University, 2002. (In Russ.)
- [26] *Melnikova L.V.* The Russian Orthodox Church and the Crimean war of 1853–1856. Moscow: Kuchkovo pole, 2012. (In Russ.)
- [27] The Crimean war and the defense of Sevastopol. 1853–1856 / FGNU Republican multimedia center. Moscow, 2006. URL: <http://www.rnmc.ru/default.asp?artID=678> (In Russ.)

Research article

“The Crimean war in the collective memory”: modern Western European historiography of the Crimean campaign of 1853–1856

Marc de Bollivier

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Grenoble Alpes University
1281 Avenue Centrale, 38400 Saint-Martin-d'Hères, France

The article analyzes the modern Western historiography of the Crimean war of 1853–1856. The authors refer to problems and issues that prevail in the French and British studies of the events of 1853–1856. In the Western historiographical tradition based on researches of the XIX–XX centuries, still remain insufficiently explored aspects of the Crimean war, for example, the siege of Sevastopol, military operations in the Baltic and White seas, in the Pacific ocean, in the Caucasus. Despite the obvious trend existing in modern European science, associated with the study of the Crimean campaign in the context of the first pan-European war, the attention of historians of Western Europe is more focused on the study of the First world war. However, in recent years there has been a clear interest of French, English and Italian authors to the Black sea region, to the history of the Crimea and, as a consequence, to the Crimean campaign. Generalization of modern experience of historiography of the Crimean war allows to define prospects for further researches.

Keywords: Crimean war, Sevastopol, historiography, anthropology of war, Nicholas I, Napoleon III

Информация об авторах / Information about the authors

Болливье Марк де – аспирант кафедры истории России РУДН, докторант Университета Гренобль Альпы (Франция). E-mail: marc_debollivier@yahoo.fr

Bollivier Marc de – postgraduate student of the Department of Russian History, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), PhD student at the Grenoble Alpes University (France). E-mail: marc_debollivier@yahoo.fr

Для цитирования / For citation

Болливье М. де. «Крымская война в коллективной памяти»: современная западно-европейская историография крымской кампании 1853–1856 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 247–255.

Bollivier M. de. “The Crimean war in the collective memory”: modern Western European historiography of the Crimean campaign of 1853–1856 // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 247–255.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

21.11.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-256-266

Научная статья

Комплекс лепной керамики поселения Мурзалы в Восточном Приаралье

Е.Б. Баринава

Институт этнологии и антропологии РАН
Россия, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32А

Статья посвящена изучению средневековой лепной керамики поселения Мурзалы на территории Восточного Приаралья. Выделены особенности технологии ее изготовления, форм, орнаментации, проведена сравнительная типология. Лепная керамика поселения Мурзалы имеет кухонное назначение. Она представлена котлами, горшками, кувшинами, банками, мисками и крышками. Изученная керамика не находит аналогий в комплексах развитых среднеазиатских государств. Она, вероятно, могла сформироваться на территории Восточного Приаралья и быть связана с миграциями кочевых и полукочевых племен. Факт обнаружения грубой лепной керамики на поселении Мурзалы подтверждает предположение, что оно могло быть зимовьем средневековых кочевников X–XI вв.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, лепная керамика, зимовки средневековых кочевников

Введение

Выгодное физико-географическое расположение Восточного Приаралья позволило этому региону с древнейших времен быть зоной постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого евразийского степного пояса и земледельцами древнейших оазисов Средней Азии [1. С. 3; 2], что привело к активному освоению территорий и возникновению здесь множества поселений.

Именно к таким поселениям относится Мурзалы. Оно появилось в XII веке – в эпоху Великих Хорезмшахов, и было, вероятно, хорезмийской колонией, существовавшей до XIII–XIV вв., то есть до немного более позднего времени, чем монгольское завоевание. Датировка была произведена С.П. Толстовым на основе исследования архитектурных и топографических особенностей поселений, а также керамического, вещевого и монетного материала [3].

© Баринава Е.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Поселение Мурзалы было открыто археолого-топографическим отрядом во главе с Б.В. Андриановым в 1957 году. Оно находится вблизи сухого русла Арсы-бай, в 50 км к юго-западу от Чирик-Рабата. Ширина естественно-го русла реки в этом районе достигает 60 м. Его берега укреплены дамбами, а по дну проложен арык, который мог использоваться в качестве магистрального канала.

Это поселение имеет общую площадь памятника около 700×600 м. В южной части поселения застройка сплошная, состоящая из главного, вытянутого вдоль канала жилого массива, площадью 350×250 м. В северной части, ограниченной с севера большой песчаной грядой, расположено несколько отдельных усадеб. Главный жилой комплекс носит следы внутренней планировки. Постройки по величине разные, но одна из них выделяется более крупными размерами. Это многокомнатный дом, около которого проложены каналы, а так же сохранились планировки полей [4. С. 265–266].

К юго-западу от него, на расстоянии 150 м, были найдены остатки Г-образной постройки, стены которой с внутренней стороны сплошь покрыты небольшими нишками, расположенными горизонтальными рядами в шахматном порядке. По предположению С.П. Толстова, эти постройки предназначены для приема гостей и одновременно служили производственно-складскими помещениями. В литературе они известны под именем “каптар-ханы” (1). В 1972 г. удалось зафиксировать и фрагменты крепостной стены, окаймляющей поселение (2). В юго-западной части поселения найдены остатки ремесленных производств [5].

В своей работе автор ставил перед собой задачу изучить ранее не исследованный керамический материал (который был любезно предоставлен д.и.н. Л.М. Левиной), собранный за многие годы Хорезмской экспедицией в ходе археологических разведок на крупном средневековом поселении Мурзалы, и сравнить, насколько археологический материал подтверждает выводы, сделанные современными учеными на основе исследования, прежде всего, письменных источников.

Исследование проблемы

С конца 1960-х годов керамика Средней Азии и Казахстана изучается по предложенному Л.М. Левиной технологическому принципу [6; 7]. В процессе изучения керамики поселения Мурзалы автору удалось провести подробную классификацию и типологизацию керамических комплексов памятника. По форме и назначению керамика была разделена на виды, подвиды, разновидности и т.п. То же относится и к орнаменту.

Найденный на поселении керамический материал разделен нами на две крупные части: I – грубая лепная, нехарактерная для Хорезма посуда, II – поливная и неполиванная керамика, сходная с хорезмийской [8].

I группа керамики поселения Мурзалы обожжена костровым способом и отличается грубым тестом. В некоторых случаях, сосуды имеют следы под-

правки на круге, хотя в абсолютном большинстве изготовлены ручной лепкой. Цвет черепка в изломе, как правило, серый или серо-красный, что говорит о недостаточности обжига. Ангоб имеет разные оттенки серого цвета, но изредка встречается и кремовый. Примесями, обнаруженными в тесте керамики этой группы, служили крупный или мелкий песок, шамот, дресва и органика.

Керамика I группы поселения Мурзалы может быть орнаментированной и неорнаментированной. Орнамент встречается трех типов:

- 1 – прочерченный по сырой глине палочкой или зубчатым штампом линейный орнамент (рис. 1 1);
- 2 – налепной, в виде лент с пальцевыми зажимами и вдавлениями. Расположен, как правило, на горле или тулове сосуда (рис. 1 2);
- 3 – насечки по краю, нанесенные по сырой глине (рис. 1 3).

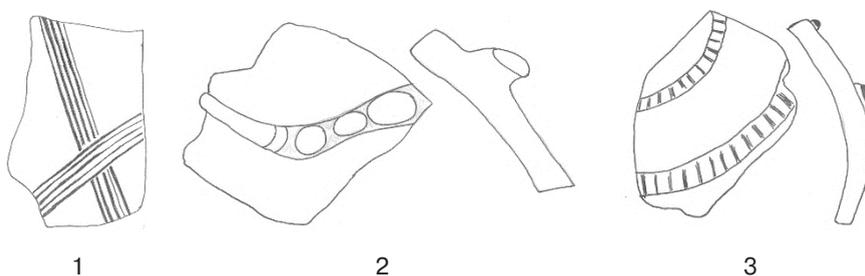

Рис. 1

Фрагментарность материала и отсутствие целых форм усложняет классификацию лепной керамики. С уверенностью можно выделить лишь следующие формы: кухонные котлы, котловидные горшки, горшки, кувшины, банки, миски, крышки. Керамика I группы поселения Мурзалы имеет кухонное назначение. Рассмотрим отдельные виды сосудов.

Кухонные котлы, как правило, темно-серого цвета обжига, реже встречается серо-красный и темно-красный. Лишь в нескольких случаях черепок в изломе коричневатый. Тесто грубое с большим количеством примесей шамота, дресвы и незначительными включениями гипса. Для ангоба характерны разные оттенки серого цвета, хотя встречаются и коричнево-бежевые тона. Этот вид сосудов орнаментирован крайне редко. Если орнамент присутствует, то лишь в виде вертикально прочерченных по сырой глине линий на расстоянии 1–1,5 см. Все лепные кухонные котлы имеют горизонтальные ручки. Разнообразности ручек зависят от размеров и форм котлов:

1 – небольшие котлы с длинными плоскими выступами по венчику, образующими ручки. Эти выступы могут быть горизонтальными или выступать над краем. Ширина выступа ручек может колебаться в зависимости от размеров котлов в пределах 2–5,5 см;

2 – котлы средних размеров с небольшими налепными ушкообразными ручками, расположенными преимущественно на венчике или в верхней части тулова (рис. 2 1);

3 – средние и крупные котлы, подражающие формой ручек и общим видом тальковым котлам. Как правило, они имеют крупную квадратную или прямоугольную ручку, расположенную на или под венчиком. Диаметры котлов этого типа колеблются от 22 до 42 см. По аналогам их можно отнести к X в. (рис. 2 2);

4 – крупные котлы тазообразной формы (стенки прямые, немного сужающиеся к донцу). Стенки отделяются от донца валикообразным выступом. Особенностью этого типа котлов являются вертикально направленные, как бы являющиеся продолжением стенок, но чуть утолщенные ручки. Они имеют овально прямоугольную форму с большим сквозным отверстием для пальцев в центре (рис. 2 3).

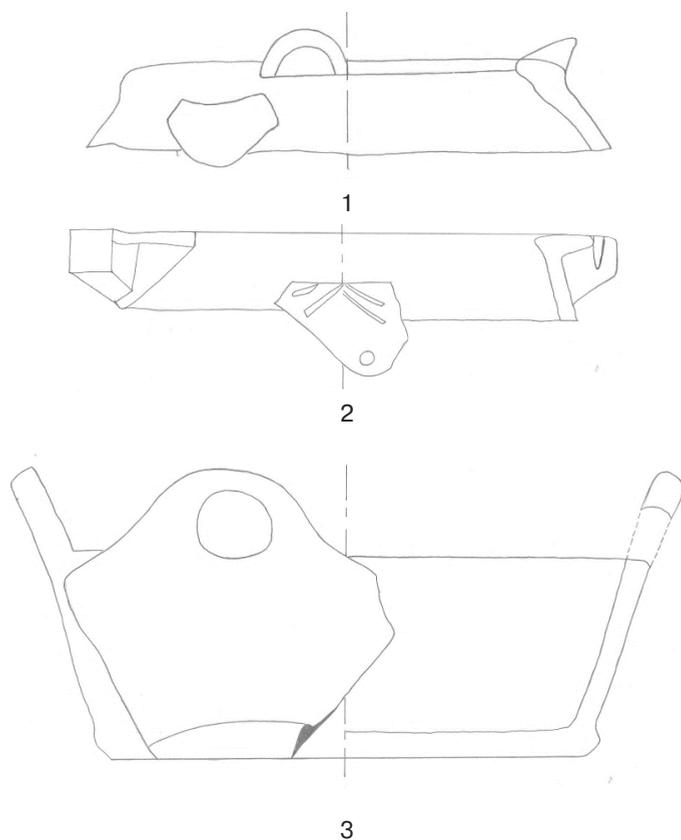

Рис. 2

Котловидные горшки: имеют характерную боченкообразную форму со скошенным внутрь или прямым горлом. Выделяются несколько основных типов котловидных горшков:

1 – котловидные горшки диаметром 14–17 см. Венчик округлый или плоский со скошенным внутрь бережком (рис. 3 1);

2 – сходны по параметрам с котловидными горшками первой группы, но имеют более вытянутое горло, украшенное наклепной полоской с пальцевыми зашипами и вдавлениями (рис. 3 2);

3 – крупные котловидные горшки, диаметром 25–27 см, с почти прямыми стенками. Венчик утолщен (при толщине стенки 0,7 см, толщина венчика – 0,9 см) и чуть скошен внутрь. По краю с внешней и внутренней стороны находятся небольшие валикообразные уступы. По внешней стороне в месте перехода от венчика к тулову может проходить прочерченная по сырой глине полоса (рис. 3 3).

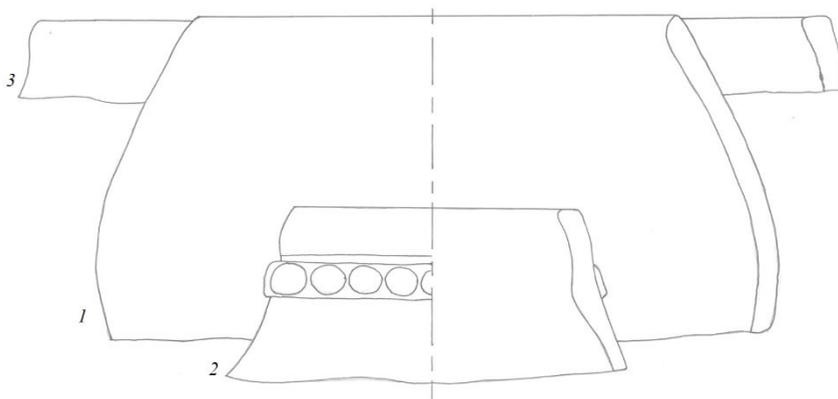

Рис. 3

Горшки – один из самых распространенных видов керамики на поселении Мурзалы. Как и остальная лепная керамика, имеет черный, серый и красный неравномерный цвет черепка в изломе, что подтверждает ее костровой обжиг. Горшки могут быть орнаментированы и неорнаментированы. Для этого вида сосудов характерен орнамент в виде налепных полос с пальцевыми защипами и вдавлениями или нанесенными палочкой насечками. Некоторые горшки имеют ручки, преимущественно вертикальные. Верхняя часть ручки крепится к краю горшка, не выступая над ним (в отличие от станковых), нижняя – к тулову. Небольшие ручки имеют круглое или овальное отверстие. В сечении они могут быть круглые, овальные и прямоугольные. Ручки могут быть украшены налепами, сквозными и несквозными вдавленными отверстиями и насечками по краю. Выделяются ручки, украшенные в верхней части налепом в виде острого гребешка.

Горшки делятся на три основных типа:

1 – практически без венчика. Это сосуды с простым, заостренным или уплощенным краем (иногда по краю проходит ложбинка для крышки). Для них так же характерно невысокое горло, переходящее в хорошо выраженные широкие плечики. Высота горла 2–4 см, а диаметр по краю колеблется в пределах 8–17 см. Горшки первой группы могут быть с орнаментом и без него. Орнаментированные сосуды, как правило, крупнее неорнаментированных. Орнамент в виде лепной полосы с пальцевыми защипами и вдавлениями может располагаться в месте перехода от горла к тулову или по краю горла. В последнем случае полоса более массивна (рис. 4 1, 2, 3);

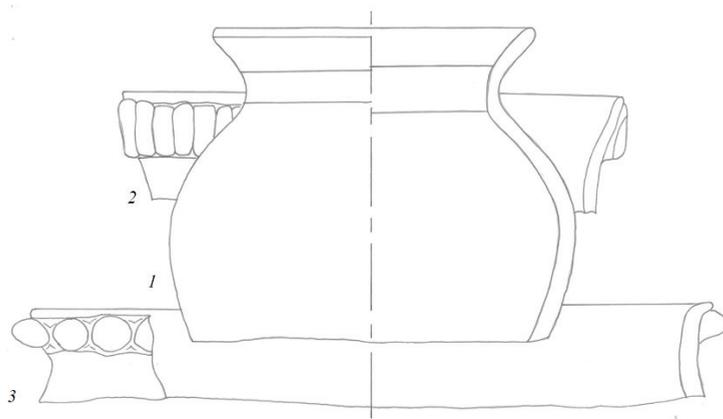

Рис. 4

2 – горшки с резко отогнутым наружу краем и крутыми плечиками. Для них характерна очень короткая шейка или ее отсутствие. Горшки с шейкой, как правило, небольших размеров и имеют диаметр венчика 11–15 см. Шейка уже венчика во всех случаях на 4 см. Она может быть украшена лепной полосой с пальцевыми зажимами и вдавлениями. Сосуды без шейки имеют более крупные параметры, диаметр по краю 24–26 см, а в самом узком месте 21–22 см (рис. 5);

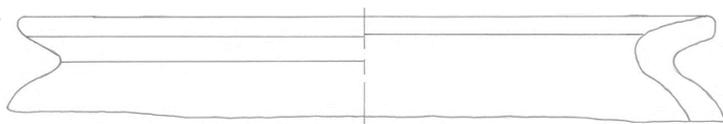

Рис. 5

3 – небольшие горшки с венчиками. Можно выделить три подтипа венчиков:

а) манжетовидной подтреугольной или четырехугольной формы в сечении. Диаметр колеблется в пределах 14–15 см;

б) овально-прямоугольный в сечении венчик со скошенным внутрь бе-режком. Толщина венчика 1 см, ширина – 1,5 см. Диаметр 12–16 см;

в) подтреугольный венчик клювовидной формы, несколько отогнутый наружу. Горло – неширокое, шейка при переходе к тулову слабо изогнута.

Банковидные горшки имеют небольшие размеры. Стенки прямые или чуть сужающиеся книзу. Край отогнут, и на нем четко выделяется желобок для крышки. Диаметры сосудов по краю 13–15 см.

Кувшины – часто встречающийся вид сосудов I группы на поселении Мурзалы. Для них характерно наличие ручки и слива. Мурзалинские кувшины имеют высокое горло, переходящее в широкие ярко выраженные плечики. Некоторые украшались налепным орнаментом в виде волнообразных лент и

точек. О хозяйственном назначении этих кувшинов говорит неравномерная обугленность глины, трещины и облупившийся во многих местах ангоб. Кувшины могут иметь скругленный, уплощенный или чуть скошенный внутрь край. Из всего комплекса выделяются два кувшина, край которых украшен косыми насечками, нанесенными палочками по сырой глине (рис. 6).

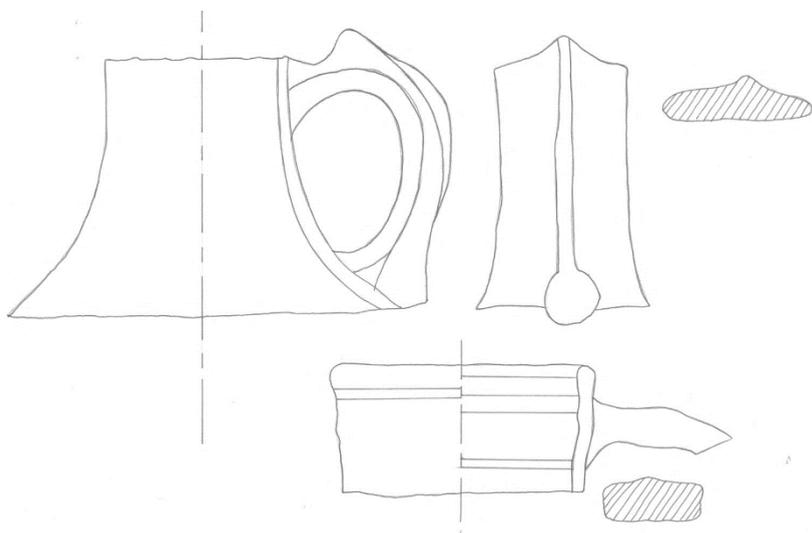

Рис. 6

Сохранилось несколько фрагментов ручек лепных кувшинов. Наиболее типичная форма в сечении – вытянутая овальная или подпрямоугольная. Такие ручки могут быть украшены налепленными по длине всей внешней стороны заостренными гребешками. Отличительная особенность ручек лепных кувшинов в том, что в своей верхней части они не поднимаются над краем сосуда.

Крышки. Большая часть лепных сосудов поселения Мурзалы имеет по краю желобок для крышки. Поэтому неудивительно большое количество крышек, найденных на памятнике. Как и для сосудов, для крышек характерно грубое тесто с примесями шамота, дресвы, органики, песка и, в некоторых случаях, гипса. Цвет черепка в изломе серый или серо-красный. Крышки преимущественно имеют серый, красный или кремовый ангоб. Большая часть крышек орнаментирована. Орнамент крышек встречается трех типов:

1 – прочерченный по сырой глине палочкой или зубчатым штампом. Он бывает линейным, волнообразным, в виде коротких штрихов, а также косых черточек в виде елочки (рис. 7);

2 – глубокие, но не сквозные вдавленные отверстия (рис. 8);

3 – налепной орнамент в виде лент, украшенных пальцевыми защипами или насечками, сделанными палочками по сырой глине.

Орнаменты второго и третьего типов могут сочетаться.

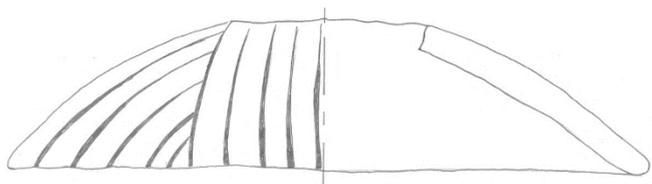

Рис. 7

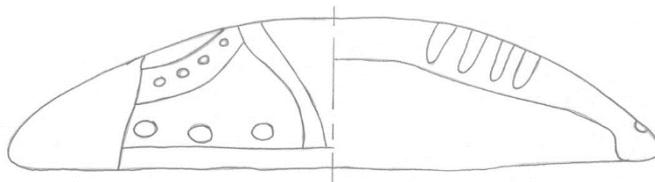

Рис. 8

Тальковые котлы – особая группа каменных изделий. Хотя они и не являются керамикой, однако имеют тоже предназначение, аналогичные формы и украшения, что и керамические сосуды.

На поселении Мурзалы найдено довольно много фрагментов тальковых котлов. Их формы и размеры во многом обусловлены характером исходного материала. Все котлы этой имеют боченкообразную форму. Стенки плавно переходят в широкое плоское донце, причем его толщина примерно равна толщине стенок и составляет в зависимости от размеров котла 1–2 см. Стенки носят следы вертикальной, горизонтальной или чешуйчатовидной подтески. Один из котлов украшен несколькими рядами прочерченных волнообразных линий, идущих на расстоянии 1–2 мм и повторяющих контуры друг друга. Они имеют вид прочерченной зубчатый штампом многослойной волны. В край котлов простой плоский. Практически все они имеют небольшие сквозные дырочки – следы чинки. Это говорит о том, что такие котлы очень ценили и старались полностью использовать их и сохранить как можно дольше.

По размерам тальковые каменные котлы могли быть крупными и небольшими. Диаметры венчиков крупных котлов – 25–40 см, а небольших – 15–25 см.

По формам ручек котлы делятся на 2 типа:

1) котлы с горизонтально-вытянутой ручкой, образованной выступом по краю подтреугольной формы в разрезе. Такие ручки могут достигать 15–20 см в длину и 3 см в ширину;

2) котлы с крупными высеченными ручками четырехугольной формы с несколькими поперечными и продольными гранями. В верхней части они могут быть украшены прочерченными линиями, образующими геометрические фигуры и кресты. Такие ручки могут располагаться по краю и под ним.

Заключение

Лепная керамика поселения Мурзалы практически не находит себе аналогий в комплексах развитых среднеазиатских государств. Она, вполне вероятно, могла сформироваться на территории Восточного Приаралья и быть связана с миграциями кочевых и полукочевых племен. Так, она находит некоторое сходство в деталях с керамикой «болотных городищ» VII–IX вв. и джетыасарской культуры в Казахстане того же времени, которая была очень консервативна и устойчива в своих традициях [9. С. 56]. Среди черт сходства можно выделить орнаментацию наклепными полосками под венчиком, пальцевых вдавлений по венчику, а также прочерченный угловато-линейный орнамент. Это говорит о том, что пришлые племена в некоторых случаях ассимилировались с местным населением (прежде всего, поздним этапом Джетыасар), переняв многие культурные традиции.

Факт обнаружения грубой лепной керамики на поселении Мурзалы подтверждает предположение, что оно могло быть зимовьем средневековых кочевников, которое существовало примерно с X–XI вв., т.е. раньше прихода на эту территорию хорезмийских колонистов. Возможно, Хорезмшахи основали свои колонии на уже обжитых кочевниками землях, чтобы тем самым утвердить свое главенствующее положение.

Особое внимание надо уделить тальковым котлам, которые и для Восточного Приаралья и для Хорезма были, вероятно, предметами привнесены. В Хорезме они появляются еще в X веке. Судя по тому, что на поселении Мурзалы фрагментов тальковых котлов было найдено довольно большое количество, причем многие из них носили следы ремонта, можно предположить, что они активно использовались и в более позднее время. Однако тот факт, что среди грубой лепной керамики были найдены точные копии каменных котлов, наводит на мысль, что кочевники пытались копировать этот удобный вид домашней утвари, используя подручные средства, но при этом не сохранили связи с изначальным производителем тальковых сосудов. Хотя в качестве одной из гипотез нам представляется возможным центром изготовления таких котлов территория как Хорезма, так и Восточного Приаралья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) С.П. Толстов считал каптар-хану одним из характерных сооружений хорезмшахского времени [3. С. 161. Рис. 98].
- (2) См.: дневник Левиной Л.М. (Сырдарьинский маршрут 1972 г.). Дневник № 12.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Восточная литература РАН, 1996. 438 с.

- [2] *Вайнберг Б.И.* Экология Приаралья в древности и средневековье // Этнографическое обозрение. 1997. № 1. С. 23–40.
- [3] *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: ИВЛ, 1962. 321 с.
- [4] *Барина Е.Б.* Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 261–269.
- [5] *Барина Е.Б.* Этнокультурные особенности средневекового населения Восточного Приаралья по историческим источникам // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 3 (19). С. 253–260.
- [6] *Левина Л.М.* Керамика и вопросы хронологии памятников джетыясарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966. С. 45–91.
- [7] *Левина Л.М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи М.: Наука, 1971. 248 с.
- [8] *Барина Е.Б.* Керамические комплексы средневековых поселений как источник по этноистории Восточного Приаралья // Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций: XXV международная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб.: Восточный факультет СПбГУ, 2009. С. 332–333.
- [9] *Барина Е.Б.* Керамические комплексы поселений Мурзалы, Иркибай и Уйгарак как источник по этноистории средневековых кочевников Восточного Приаралья // Восток и Запад: приоритеты эпох. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 16–58.

REFERENCES

- [1] *Levina L.M.* Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1996. (In Russ.)
- [2] *Vaynberg B.I.* Ekologiya Priaral'ya v drevnosti i srednevekov'ye // Etnograficheskoye obozreniye. 1997. No. 1. Pp. 23–40. (In Russ.)
- [3] *Tolstov S.P.* Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta. Moscow: IVL, 1962. (In Russ.)
- [4] *Barinova Ye.B.* Etnokul'turnyye kontakty srednevekovogo naseleniya Vostochnogo Priaral'ya po dannym arkhеologicheskikh issledovaniy XX veka // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2018. Vol. 10. No. 3. Pp. 261–269. (In Russ.)
- [5] *Barinova Ye.B.* Etnokul'turnyye osobennosti srednevekovogo naseleniya Vostochnogo Priaral'ya po istoricheskim istochnikam // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. 2018. No. 3(19). Pp. 253–260. (In Russ.)
- [6] *Levina L.M.* Keramika i voprosy khronologii pamyatnikov dzhetyasarskoy kul'tury // Material'naya kul'tura narodov Sredney Azii i Kazakhstana. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 45–91. (In Russ.)
- [7] *Levina L.M.* Keramika Nizhney i Sredney Syrdar'i. Moscow: Nauka, 1971. (In Russ.)
- [8] *Barinova Ye.B.* Keramicheskiye komplekсы srednevekovykh poseleniy kak istochnik po etnoistorii Vostochnogo Priaral'ya // Vostokovedeniye i afrikanistika v dialoge tsivilizatsiy: XXV mezhdunarodnaya konferentsiya po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki. Saint Petersburg: Vostochnyy fakul'tet SPbGU, 2009. Pp. 332–333. (In Russ.)
- [9] *Barinova Ye.B.* Keramicheskiye komplekсы poseleniy Murzaly, Irkibay i Uygarak kak istochnik po etnoistorii srednevekovykh kochevnikov Vostochnogo Priaral'ya // Vostok i Zapad: priorityy epokh. Moscow: RUDN University, 2010. Pp. 16–58. (In Russ.)

Hand-made ceramics on the territory of Murzaly in the Eastern Aral Sea region

E.B. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS
32A Leninsky Ave., Moscow, 119991 Russia

The article is devoted to the study of medieval hand-made ceramics of the settlement of Murzaly in the territory of the Eastern Aral sea region. The features of its manufacturing technology, forms, ornamentation are highlighted, a comparative typology is carried out. The coarse hand-made ceramics of the Murzaly settlement has a kitchen purpose. It is represented by boilers, pots, jugs, cans, bowls and lids. The studied ceramics does not find analogies in the complexes of the developed Central Asian states. It probably could have been formed on the territory of the Eastern Priaralye and was associated with the migrations of nomadic and semi-nomadic tribes. The fact of the discovery of coarse hand-made ceramics in the settlement Murzaly confirms the assumption that it could have been the wintering ground of medieval nomads of the 10th–11th centuries.

Keywords: the Eastern Aral Sea region, hand-made pottery, winter settlements of medieval nomads

Информация об авторе / Information about the author

Баринова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Elena Barinova, Ph.D.(in History), Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. E-mail:BarinovaElena@rambler.ru

Для цитирования / For citation

Баринова Е.Б. Комплекс лепной керамики поселения Мурзалы в Восточном Приаралье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 256–266.

Barinova E.B. Hand-made ceramics on the territory of Murzaly in the Eastern Aral Sea region // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 256–266.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

19.06.2019

DOI 10.22363/2312-8127-2019-11-3-267-276

Научная статья

Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив против врача» Франческо Петрарки)

А.А. Бушля

Волгоградский государственный медицинский университет
Россия, 400131, Волгоград, пл. Павших борцов, 1

В последние десятилетия в рамках направления «социология медицины» особое внимание исследователей привлекают такие области знания, как история здоровья и болезней, медицинских институтов, пациентов, врачей. Особый интерес вызывают отношения врача и пациента, так как эта сфера коммуникации в современном обществе весьма проблематична, и обращение к опыту прошлого может быть полезным для извлечения уроков.

Данная статья представляет собой попытку реконструкции образа итальянского врача XIV в. Работа имеет междисциплинарный характер, опирается на традиции социальной и культурной истории медицины. В качестве основного источника используется сочинение Франческо Петрарки «Инвективы против врача» (середина XIV века). Написанные в форме памфлета, высмеивающего и обличающего реальное лицо, а данном случае, целую группу – врачей и пациентов, «Инвективы» являются прекрасным источником информации об отношении общества того времени к врачу.

Исследование основного источника, являющегося субъективным отражением процессов и явлений того времени, дополняется проработкой культурно-исторического компонента, картины мира того времени.

Автор делает вывод о том, что в проявившемся в ходе спора мировоззрении Петрарки мы можем обнаружить как черты Ренессанса (признание ценности разума и человеческих способностей), так и Средневековья (ценности веры, апелляция к авторитетам). Для создания более объемной реконструкции были привлечены исследования средневековой картины мира (Ле Гофф Ж., Трюон Н.). Кроме того, в статье затрагиваются такие вопросы, как место символа, иерархии, слова в культуре того времени. Рассматриваются такие компоненты картины мира, как корпоративность, отношение к добродетели и греху, ручному труду, авторитетам, науке, искусству и медицине.

Негативные составляющие образа врача и медицины Италии XIV в., свидетельствуемые Петраркой, в ходе реконструкции дополняются предполагаемым позитивным или идеальным компонентом, что дает в результате объемную характеристику исследуемого феномена.

Ключевые слова: образ врача, история медицины Италии XIV века, Франческо Петрарка, литература как исторический источник, средневековая картина мира

© Бушля А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В последние десятилетия в рамках направления «социология медицины» в научных исследованиях особо актуальны такие области знания, как история здоровья и болезней, медицинских институтов, пациентов, врачей [1–4]. Современные культуролого-антропологические исследования, находясь в поиске инструментов и методик реконструкции живой ткани культур прошлого, часто обращаются к литературным источникам изучаемой эпохи [5].

В данной статье мы попытаемся реконструировать образ врача и состояние медицины Италии XIV в., опираясь на сочинение Франческо Петрарки, который описывал современное ему общество.

Конечно, мы понимаем, что его «Инвектива против врача» является весьма субъективным отражением процессов и явлений того времени, и все же через пространство жизненного мира единичной личности мы попытаемся обнаружить культурно-исторический компонент. Мы будем исходить из того, что любое субъективное свидетельство, схематичный, искаженный, дробный образ реальности все же несет в себе отпечаток господствующих мифологем, картины мира того времени.

«Инвектива против врача» Ф. Петрарки, написанная в середине XIV века, является прекрасным источником информации об отношении общества того времени к врачу. Написанная в форме памфлета, высмеивающего и обличающего реальное лицо, а данном случае, целую группу – врачей и пациентов, «Инвективы» находятся на грани между художественной, документальной, исторической и мемуарной литературой. В исследовании использовались два перевода: В. Бибикина [6] и Н. Девятайкиной, Л. Лукьяновой [7].

История «литературной войны» началась 18 марта 1352 года, когда уже признанный гениальным поэтом Петрарка написал заболевшему папе Клементу VI письмо, в котором выразил ему свое сочувствие и предостерег от «толпы врачей», соревнующихся только в красноречии, а не в знаниях и опыте. На письмо ответил, как предполагают исследователи, лейб-медик папы. За одни сутки Петрарка написал в ответ первую книгу «Инвектив против врача», на которую вновь последовал ответ. Итак, меньше чем за год было написано четыре «Инвективы», которые получили окончательную редакцию в 1355 году [6]. Содержательностью в плане информации, деталей, фактов, необходимых для исследования, отличается первая из инвектив, тогда как остальные большей частью представляют собой эмоциональные обвинения личностного характера.

Следует отметить, что все обличительные речи Петрарки вовсе не направлены на медицину. Он признает медицину «не бесполезным искусством» [6. С. 21–22], которое «даже освящено как изобретение бессмертных богов: столь великим представлялось это искусство, что не могло считаться изобретением человека» [6. С. 22]. В конце концов, об этом говорил Иисус Сирахов: «Господь создал из земли врачевства», – «не верить которому нельзя». Однако стоит помнить, что все науки, все знание, вся мудрость – божественное изобретение и дар Господа, все искусства и ремесла вышли из одного источника, все созданы Всевышним [6. С. 22].

Несколько раз Петрарка уточняет, кого он обвиняет и осуждает в своих напаках: «не ваше ремесло, а ремесленников, и не всех, а наглых и противоречивых» [6. С. 18]. И все же в споре дело доходит до принижения профессии, сведения ее к занятиям, которые «состоят в том, чтобы разглядывать мочу и другое, что стыд мешает назвать» [6. С. 24]. Или другой пример: вот как выглядит, с точки зрения Петрарки, сравнение искусства медика и земледельца. «Он помощник человеческой жизни, а ты противник, хоть заявляешь обратное; он в трудах приносит пользу человеческому роду, а ты вредишь ему в праздности; он, нагой и голодающий, готовит в полях народную сытость, а ты, разряженный и болтающий, губишь в покоях народное здоровье» [6. С. 22].

Деятельность врачей в средневековом городе, подобно представителям других занятий, регулировалась соответствующей гильдией или цехом. На основании сходства занятий врачи могли быть объединены в один цех с аптекарями, живописцами или торговцами восточными товарами. Принадлежность цеху давала возможность совместного развития, обогащения друг друга новыми идеями, регулирования профессиональной деятельности, гарантию правовой защиты [8]. Кроме всего прочего она способствовала формированию особого корпоративного мышления. Петрарка отмечает в «Инвективе», как врачи дружно встали на защиту собрата. «Странно сказать, как ты и многие другие вдруг возмутились и вознегодовали». Проявляя корпоративную солидарность, «чуть не все кричат и беснуются» в ответ на упреки и обвинения [6. С. 18].

В чем Петрарка обвиняет врачей? Во-первых, это отсутствие знаний, недостаток опыта и практических навыков, прикрываемые красноречием. Петрарка сетует, что в его время сложно найти врача, «выдающегося не красноречием, а знаниями и честностью» [6. С. 18]. Легковеры, слушающие таких врачей, привлеченные обещаниями исцеления, получают «только неуместные букеты бесполезного красноречия, когда нужны дела, а не слова» [6. С. 17].

Конечно, владение ораторским мастерством неплохо для врача, так же как знание гуманитарных наук и латыни. Но только если врач реально может лечить болезни, а не только называет их по-гречески. Тремя веками позже Жан-Батист Мольер в комедии «Мнимый больной» высмеивает те же самые пороки, обращая внимание на то, что зачастую знания, которыми врачи владеют, не очень-то помогают лечению. «Все их преимущество заключается в звонкой галиматье да в вычурной болтовне, которая выдает нам слова за дело и обещания за действительную помощь» [9. С. 30].

Красноречие действительно являлось чуть ли не самым важным умением средневекового врача. Необходимость умения красиво говорить была осознанна еще в традициях античной риторики. Но в данном случае это не столько традиция, сколько проявление одной из особенностей менталитета средневекового человека, важной характеристикой которого был символизм. Символ, в данном случае слово, напоминал о высшей и скрытой реальности. Каждый предмет являлся для средневекового человека изображением чего-то ему соответствующего в сфере более высокого, истинного мира. Именно поэто-

му в медицине этого периода поставленный диагноз уже означал исцеление, оно должно было наступить вследствие произнесения названия болезни. Если язык был для средневековых интеллектуалов покровом реальности, то он также являлся ключом к этой реальности, соответствующим ей инструментом [10. С. 308].

Средневековая символика была основана на иерархичности – это еще одна из особенностей мышления того времени. Степень близости к Богу определяла место явления или предмета в универсальной иерархии. И природный мир (земля, растения, животные), и общественная реальность (основанная на *принципах сословной подчиненности феодальная система социальных отношений*, корпоративность, внутреннее устройство клира), и даже мир неземной (чины ангелов) представляли собой единую иерархию, «великую цепочку бытия», подчиняющуюся Богу. Принцип иерархичности проявлялся во всем. И одно из его ярких проявлений – следование авторитетам, которые всецело управляли духовной жизнью той эпохи. В теологии, наивысшей из наук, с ее схоластическим мышлением, практика ссылок на авторитеты нашла свое наивысшее воплощение. Однако следование авторитетам было основой всей духовной и интеллектуальной жизни, не исключая и медицину.

В «Инвективе» нашел свое отражение спор об искусствах, связанный с их разделением еще в традициях античности на «свободные искусства» – науки, заниматься которыми считалось достойным свободного человека, и «нечистые искусства», связанные с физическим и ремесленным трудом. Семь свободных искусств (тривиум – грамматика, риторика, диалектика, и квадривиум – арифметика, геометрия, астрономия и музыка) гуманисты поставили в иерархии знаний выше медицины и юриспруденции.

Во многом это было связано с характерным для того времени презрительным отношением к ручному труду. На протяжении средневековья отношение к труду претерпевает изменения. В частности, в XII–XIII вв. труд из отрицательной ценности – наказания – трансформируется в позитивную – участие в созидательных деяниях, угодных Богу. Эти изменения стали возможными благодаря появлению ориентации на земные ценности, на *ratio* как логическое начало, разум и расчет в одно и то же время [10–12]. Однако ручной труд оставался в представлении самих медиков и хирургов уделом низших категорий населения. А для них, ученых, интеллектуалов, представителей искусства медицины, прошедших обучение в университете, более приемлемой казалась работа с текстами Галена и других авторитетов. Университетские профессора продолжали еще долгое время относить себя к интеллектуалам, гнушавшимся ручного труда, предпочитая вскрытиям цитирование Галена.

Следующее, что ставит в вину врачам Петрарка, это противоречивость. На противоречивость врачей «громко сетует весь человеческий род». По его словам, «...гибнут тысячи несчастных больных, доверившихся вашим услугам, страдая от противоречивой, переменчивой, ненадежной тирании врачей» [6. С. 19].

То, что Петрарка называет противоречивостью, является одним из следствий описанной выше особенности средневекового мышления, отрицающего опыт как метод познания, боящегося новшеств и цепляющегося за авторитеты прошлого. Медицинское знание не было единым, целостным, оно собирало в себе обрывки разных традиций разных времен и разных цивилизаций. Обязательность ссылки на то или иное высказывание, отношение к новшеству как греху, а к изобретению как чему-то вызывающему, разрушающему каноны, практика постоянного повторения – все это отражалось на техническом и интеллектуальном прогрессе. И, конечно, на развитии медицинского знания, которое также долгие века находилось под влиянием силы инерции, поглощавшей большую часть ментальной энергии средневековых людей.

Ставит в вину врачам Петрарка и их «почти постоянную хворь»: обещая здоровье, сами они не обладают им. Тогда как еще со времен античности считалось, что «те, кто сами не имеют хорошего вида в своем теле, у толпы считаются не могущими иметь правильную заботу о других». Эта мысль зафиксирована в составленном в III веке до н.э. в Александрийской библиотеке Гиппократовом сборнике, который имел широкое распространение в средневековой Европе. «В большой толпе вас можно сразу узнать по бледности, и стало уже присловием говорить «лицо как у врача», когда видишь золотушного или чахоточного. Малое ли чудо – обещать другим здоровье, которого у самих нет?» [6. С. 22].

Основной причиной того, что врачи лишены доверия, является их сознательная ложь, в которой их обличает Петрарка: «...среди вас ложь стала каждодневным и привычным делом» [6. С. 19]. Причем имеет место самый тяжкий вид лжи – «совершенно сознательно и во вред обманутым» [6. С. 19].

Склонность к жадности и угодничеству продолжают список моральных качеств, которые Петрарка приписывает врачам. Врач – льстец и «назойливый подхалим, в погоне за низменной выгодой обхаживающий не только первосвященника, но и последнего бедняка» [6. С. 18].

В теологии на протяжении всего средневековья существовало представление о семи основных добродетелях и грехах. Схемы, градация менялись, однако практически во всех списках грехов (например, Иоанна Кассиана, Григория Великого) присутствует жадность (*avaritia*). Какие реальные основания для обвинения средневекового врача в этом грехе можно найти?

Конечно, нужно учитывать, что здесь речь идет о придворной медицине, частной практике. Историки доказывают, что, начиная с XII века, медицина постепенно превращается в профессию (лат. *professio* – от *profiteor* – объявляю своим делом), то есть основным родом трудовой деятельности, требующим определенной подготовки и служащим источником существования.

С этого времени медицина становится возможностью зарабатывать деньги. При существовании представления о том, что платили не за лечение и не за принесенное облегчение, которое рассматривалось как дар Божий, можно обозначить объективные причины требования платы. Врачам оплачивали «подготовку и работу, которая требовала от них великого усердия и отнимала много сил» [13. Р. 110].

Некоторые исследования показывают, что, несмотря на опасности и сложности (проблемы чумы, например), факторы престижности и доходности занятия медициной играли важную роль: для бедноты и иностранцев медицина была высокодоходным занятием, способным быстро поднять человека вверх по социальной лестнице [13. Р. 75].

Сложно сказать, что двигало врачами – желание принести облегчение больному или же получить материальную выгоду. Однако примерно с XII века ситуация сложилась таким образом, что со стороны пациента появилась возможность обвинить врача в жадности – то есть *неумеренной склонности к получению материальных благ*.

Кроме всего перечисленного Петрарка возмущен и тем, что «самовластие судьбы перепутало все в мире», в том числе и искусства. Он болезненно воспринимает нападки на поэтов и поэзию: «Какой дерзости не ждать от тебя, когда ты с неслыханным кощунством подчиняешь риторику медицине, госпожу – служанке, свободное искусство – ремеслу?» [6. С. 20]

Петрарка повторяет слова своего обвинителя о том, что он «задел божественный и святой род врачей». И действительно, представление о божественном происхождении медицины является одной из составляющих картины мира этого периода. Средневековым врачам часто приписывалось сверхъестественное происхождение. Так, существовала распространенная легенда о том, что знаменитый в валлийской традиции лекарский род врачей из Миддвай происходит от феи из озера Ллин-и-Ван-Вах, вышедшей замуж за смертного и передавшей своим сыновьям магическую книгу рецептов [14].

В принижении медицинского ремесла Петрарка доходит до крайности. «Ремесленник, займись, пожалуй, своим делом: лечи, если можешь, не можешь – убивай, а умертвив, проси награду; благодаря слепоте человеческого рода она причитается не императору или государю, но тебе одному, господину, как ты хвалишься, жизни и смерти. Пользуйся злосчастной привилегией, ты посвятил свой талант лучшему и вернейшему из искусств: кто выживет, обязан тебе жизнью, кто погибнет, ты ему ничем, кроме опыта, не обязан; смерть – вина природы или больного, жизнь – твоя заслуга». И для убедительности вспомнил высказывание Сократа об одном живописце, который сделался врачом. «Он поступил осмотрительно, оставив искусство, которое выставляло его ошибки на всеобщее обозрение, и, занявшись тем, чьи ошибки надежно укрывает земля» [6. С. 20].

Петрарка, представитель ренессансного мировоззрения, которое, казалось бы, должно опираться больше на разум и человеческие способности, в споре опирается на средневековые ценности веры, использует средневековые методы апелляции к авторитетам. Он заявляет, что человеческое здоровье находится в руках Христа, он и исцелил первосвященника. Врачи же, «приписав себе божье благоденствие и заслугу его крепкого природного сложения», хотят предстать воскресителями его из мертвых [6. С. 19].

Живописуя постыдное состояние современной ему медицины, Петрарка с уважением вспоминает ее блестящее прошлое. Мужами великой учености,

великими людьми он называет Галена и Гиппократ. «По-моему, Гиппократ был мужем большой учености; думаю, что и Гален, следуя ему, много прибавил к первым изобретениям медицинского искусства» [6. С. 22]. Но все славные древние врачи, «если бы они встали из могил, то единогласно признали бы, что не имеют худших врагов, чем вы, в ленивой тупости и косности ума расточающие плоды их трудов и бдений и каждодневной ложью подрывающие доверие к ним» [6. С. 23]. Древняя слава медицины омрачена грехами «великого множества невежественных и болтливых преемников [6. С. 21].

Несколько раз в «Инвективе» Петрарка повторяет, что «все это сказано не против медицины и не против хороших врачей, которым нечего возмущаться, если их всегда мало, а в наш век особенно, а только против тебя и говорящих подобный же бред» [6. С. 26]. Речь вовсе не идет об осуждении медицины, «потому что, какой здравомыслящий человек станет ее осуждать?» [6. С. 21].

Итак, попытаемся подытожить наши рассуждения, сохраняя баланс между обобщениями и частными наблюдениями Петрарки. При этом оттолкнемся от методологического замечания А.С. Лаппо-Данилевского, который указывал, что попытка историка обобщить всегда приводит к исчезновению из исторического контекста самого важного, поэтому без психологического (на уровне индивидуума) истолкования исторического факта невозможно приблизиться пониманию какого-либо исторического феномена [15. С. 162–166, 279].

«Инвектива» – это не только публицистический текст, но и вполне художественное произведение, насыщенное риторикой, эмоциями, образами, что очень ценно для формирования объемного представления об образе врача и об отношении к врачу в Италии XIV в. Несколько раз в «Инвективе» Петрарка повторяет, что «все это» сказано им «не против медицины» (ибо «какой здравомыслящий человек станет ее осуждать?») [6. С. 21], и не «против хороших врачей», которых «всегда мало, а в наш век особенно». Он направляет свою критику, против «говорящих... бред» [6. С. 26] и прикрывающих этим отсутствием настоящих знаний и профессиональных навыков.

Врач в текстах Петрарки – это псевдоученый, запутавшийся в своих теориях и скрывающий это за схоластическими речами. Чаще всего он сам одержим многими болезнями и не в состоянии помочь себе своим же искусством. При этом он осознает, что не в силах помочь пациентам, и все же он продолжает заниматься своим ремеслом с целью получить выгоду, ради которой готов на лесть, подхалимство и что угодно, включая сознательную, ложь, приносящую вред здоровью.

Предположим, что описанный Петраркой псевдоученый врач-ритор выделяется из общей картины как раз благодаря своей неординарности. Отталкиваясь от этого негативного образа, попробуем воссоздать некоторые общие черты собирательного образа идеального врача, который легко угадывается как его антипод. За его тенью мы видим светлый образ Врача с большой буквы, представителя созданного Богом искусства врачевания, имеющего великих легендарных предшественников, Врача, который помогает исцелять стражду-

щих, обладает бесценными знаниями, умением утешить и дать надежду больному, он честен и порядочен, являет собой образец физически и морально здорового человека.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Siraisi Nancy G.* Medieval and Early Renaissance Medicine. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 245 p.
- [2] The Cambridge illustrated history of medicine / edited by Roy Porter. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 400 p.
- [3] *Lindeman M.* Medicine and society in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- [4] *Портнер Р.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под общ. ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Алетейа, 2008. 304 с.
- [5] *Черёмушников И.К.* Писал ли Чехов об имидже: к вопросу об использовании художественных текстов в культурологических реконструкциях // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 64–68.
- [6] *Петрарка Ф.* Инвектива против врача / пер. В. Бибикина // Эстетика Ренессанса / сост. В.П. Шестаков. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 13–49.
- [7] *Петрарка Ф.* Инвективы против врача / пер. Н. Девятайкиной, Л. Лукьяновой // Сочинения философские и полемические. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 219–303.
- [8] «Установление правосудия» 18 января 1293 г. / пер. Л.М. Баткина // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961.
- [9] *Мольер Ж.-Б.* Мнимый больной / пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник // Мольер Ж.-Б. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957.
- [10] *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
- [11] *Ле Гофф Ж., Трюон Н.* История тела в средние века. М.: Текст, 2008.
- [12] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 25–44.
- [13] *Park K.* Doctors and Medicine in Early Renaissance Florence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. 312 p.
- [14] *Оуэн М.* Медицинские книги средневекового Уэльса и врачи из Миддлвай // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 189–202.
- [15] *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории: в 2-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010.

REFERENCES

- [1] *Siraisi N.G.* Medieval and Early Renaissance Medicine. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. doi: 10.2307/2863123.
- [2] The Cambridge illustrated history of medicine / ed. by R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 400 p. doi:10.1017/s1062798700002532.
- [3] *Lindeman M.* Medicine and society in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. doi: 10.1353/jsh.2001.0090.
- [4] *Porter R.* Sight of the patient. The history of medicine “from below” // Disease and health: new approaches to the history of medicine / ed. by Y. Schlumbom, M. Hagner,

- I. Sirotkina. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg; Aletheia, 2008. 304 p. (In Russ).
- [5] *Cheryomushnikova I.K.* Did Chekhov write about the image phenomenon: on the exploring of the classical literary texts for cultural reconstructions // *Vestnik Tomskogo State gosudastvennogo universiteta*. 2015. Vol. 396. Pp. 64–68. doi: 10.17223/15617793/396/11. (In Russ).
- [6] *Petrarch F.* Invective against the doctor / transl. by V. Bibikhin // *Renaissance Aesthetics / comp. V.P. Shestakov*. Vol. 1. Moscow: Art, 1981. Pp. 13–49. (In Russ.)
- [7] *Petrarch F.* Invectives against the doctor / transl. by N. Devyataykina, L. Lukianova // *Philosophical and Polemic Works*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1998. Pp. 219–303. (In Russ.)
- [8] “Establishment of justice” January 18, 1293 / transl. by L.M. Batkin // *Reader of monuments of the feudal state and the law of European countries*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1961. (In Russ.)
- [9] *Moliere J.-B.* The imaginary invalid / transl. by T.L. Shchepkina-Kupernik // *Moliere J.-B. Collected Works: in 2 vols*. Vol. 2. Moscow: GIKHL, 1957. (In Russ.)
- [10] *Le Goff J.* The Civilization of the Medieval West / ed. by Yu. L. Bessmertnyj. Moscow: Progress Publishing Group, Progress-Academy, 1992. (In Russ.)
- [11] *Le Goff J., Tryon N.* The history of the body in the Middle Ages. Moscow: Text, 2008. (In Russ.)
- [12] *Le Goff J.* From Heaven to Earth (Changes in the System of Value Orientations in the Christian West of the XII–XIII centuries). *Odyssey. The man in the story*. Moscow, 1991. Pp. 25–44. (In Russ.)
- [13] *Park K.* Doctors and Medicine in Early Renaissance Florence. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1985. doi: 10.1086/ahr/91.5.1231.
- [14] *Owen M.* Medical books of medieval Wales and doctors from Middvay // *Immunity Reserve*. 2008. Vol. 6. Pp. 189–202. (In Russ.)
- [15] *Lappo-Danilevsky A.S.* Methodology of history: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPAN, 2010. (In Russ.)

Research article

**Image of doctor of Italy in the XIV century
through the eyes of a contemporary
(based on the example of “Invectives against a doctor”
by Francesco Petrarch)**

A.A. Bushlia

Volgograd State Medical University
1 Pavshikh Bortsov Sq., Volgograd, 400131, Russia

This article presents an attempt to reconstruct the image of doctor and the state of medicine in Italy in the XIV century. The work has an interdisciplinary character, is based on the traditions of the social and cultural history of medicine. The main source is Francesco Petrarch's essay “Invectives against a doctor” (the mid-XIV century).

The study of the main source, which is a subjective reflection of the processes and phenomena of that time, is supplemented by a careful study of the cultural and historical component, the picture of the world at that time.

The author concludes that Petrarch, a representative of the Renaissance worldview, uses medieval methods of appealing to authorities. In order to create a voluminous reconstruction, it becomes necessary to study the medieval worldview (Le Goff J., Truon N.). Significant attention is paid to the disclosure of such issues as the place of a symbol, hierarchy, words in the culture of that time. Such components of the picture of the world as corporatism, attitude to virtue and sin, manual labor, authorities, science, art and medicine are involved.

Negative components of the image of doctor and medicine of Italy in the XIV century, as evidenced by Petrarch, are supplemented with an alleged positive or ideal component, which results in a volumetric characteristic of the issue.

Keywords: image of doctor, the history of medicine of Italy in the XIV century, Francesco Petrarca, literature as a historical source, Medieval picture of the world

Информация об авторе / Information about the author

Бушля Алла Андреевна, преподаватель истории Медицинского колледжа ВолгГМУ; специалист по учебно-методической работе кафедры истории и культурологии Волгоградского государственного медицинского университета. E-mail: all4life@mail.ru

Alla Bushlya, teacher of history at the Medical College of Volgograd State Medical University; specialist in educational and methodical work of the Department of History and Cultural Studies of Volgograd State Medical University. E-mail: all4life@mail.ru

Для цитирования / For citation

Бушля А.А. Образ врача Италии XIV века глазами современника (на примере «Инвектив против врача» Франческо Петрарки) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 13. № 3. С. 267–276.

Bushlya A.A. Image of doctor of Italy in the XIV century through the eyes of a contemporary (based on the example of “Invectives against a doctor” by Francesco Petrarch) // *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 267–276.

Рукопись поступила в редакцию / Article received:

11.08.2019